

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

27 марта 2013 г.

№ 21

2 ОТ ПОКЛОННОЙ ДО КОЛОННОГО

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России (продолжение - 5)

5 ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ — 5 В МИРОВОМ КРИЗИСЕ

6 ДИАЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

7 ДОКТРИНА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. АНАТОМИЯ АГРЕССИИ

8 АРИСТОКРАТЫ ДЕЛЬФИНЬЕГО ДУХА

При таком отношении к сложившейся при советской власти системе образования, основное направление реформы может быть только одно — разрушительное

10 УБИЙСТВО ИЛИ СМЕРТЬ?

11 ВОЙНА ЗА ОБЕЗДОЛЕННЫХ

12 ИЗВРАЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Креативный класс претендует на наследственное обладание креативностью

13 АФРИКАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ КИТАЯ

14 ОТ АНТИИСТОРИЦИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

15 ЮГ РОССИИ. ВИРТУАЛЬНЫЙ ПОДОГРЕВ РЕАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

16 ДНК-ПОДКЛЮЧЕНИЕ

А что остается в качестве досуга для подростка из бедной семьи, если спортивные секции и кружки или закрыты, или стали платными?

Если мы не вооружимся в полной мере подлинной метафизикой, то авторы «Новой газеты» навяжут нам свою, дельфинью

«Новый народ»

20 марта 2013 года. В «Новой газете» опубликована статья А. Стоярова «Метафизический вызов». Автор рекомендует нам превратиться в новый народ, способный приспособиться к современности. И призывает использовать опыт средневековой Европы, которая, дабы приспособиться к современности, создала новый народ — рыцарство. Стояров утверждает, что средневековое рыцарство — это (цитирую!) «новая нация ... именно единый «народ». С единой религией (христианство), единой культурой (рыцарский кодекс), единым языком (лингва франка).

Если мы не вооружимся в полной мере подлинной метафизикой, способной не адаптировать нас к нынешней глобальной пакости, а эту пакость преодолевать, то авторы «Новой газеты» навяжут нам свою метафизику. Лакейско-приспособительную... Прошу прощения, рыцарскую... То бишь дельфинью. Знаете, что про тогдашних «анчоусов» писал в XIII веке Бертран де Борн, один из создателей этой самой рыцарской метафизики? «Воставшие из грязи / Тутые, жадные скоты / Противны мне до тошноты / Повадки этой мрази».

Все понимаю, читатель. И то, что уважаемая нами советская классика противопоставляла плохую метафизику хорошей диалектике (кстати, к подлинной метафизике эта плохая метафизика никакого отношения не имеет). И то, что люди, держащиеся за религиозную простоту, видят в подлинной метафизике некий искус. Посвятительство на желанную для них простоту. Кстати, таких людей — которых я ценю, люблю, уважаю — беспокоят иногда вещи гораздо более простые, чем настоящая метафизика.

Во время моей последней поездки в Рязань замечательные женщины говорили мне: «Скажите, когда надо выйти на митинг! Или на пикет! Или на круглом столе выступить против либералов! Мы вам верим! Даже если вы призовете нас к более решительным действиям, мы все равно откликнемся на ваш призыв! Только, пожалуйста, без этого, как его там, апокатастасиса! Вот только этого не надо, пожалуйста».

«А вы что, Григория Великого не читали?», — спрашивал я подошедших ко мне женщин.

«Ну не читала я Григория Великого, и что? Я в Христа верю, а не в Григория Великого», — сказала одна из них.

А другая, потупив глаза, буркнула: «Все я читала, и прекрасно понимаю, о чем вы говорите. Но я не хочу это все обсуждать. И вдумываться в это не хочу. Понимаете?»

«Почему?» — спросил я.

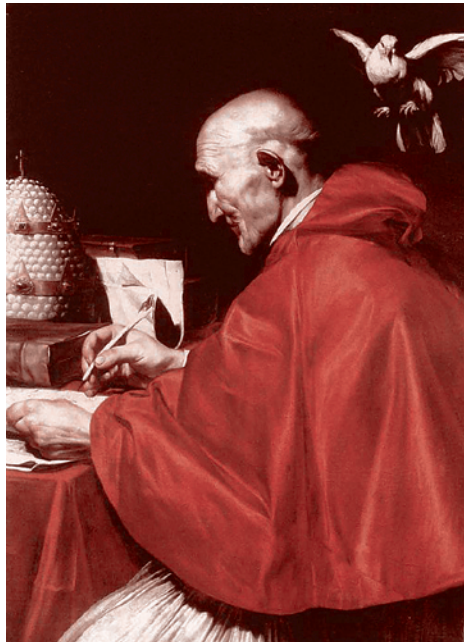
Женщина отвечала уклончиво. И одновременно очень эмоционально. Из ее ответа я понял следующее. Многие из нынешних православных патриотов (патриотов подлинных, страстных, действующих) верили во все советское. Потом эта вера рухнула. И они оказались в ужасной для них ситуации абсолютного безверия. Подчеркиваю — для них эта ситуация была ужасна. Потому что они нуждались в настоящем высоком

смысле и страдали от смыслового вакуума, в котором вдруг оказались. Другие не страдали, а они страдали. И так страдали, что уже почти не надеялись на спасение. Ведь человек, сильно страдающий от отсутствия совершенно необходимых для него высоких смыслов, — он, знаете ли, может и с ума сойти, и покончить с собой, и пойти вразнос с такой саморазрушительной страстностью, на которую не способен никакой любитель «клубнички» (Достоевский по этому поводу поведаль очень и очень много).

В последний момент, зависнув над бездной, сходя с ума и подумывая о самоубийстве, а также о том, что похуже оно, эти люди сумели уцепиться за православие. Или за другую религиозность (для кого-то исламскую, для кого-то буддистскую и так далее). Они сохранили за счет этого моральную стойкость, целостность, патриотизм. Но они знают, что такое зависнуть над бездной в результате потери высоких и высших смыслов. И они не хотят еще раз потерять с таким трудом обретенные религиозные смыслы. Отстаивая их, они боятся сложности и глубины. Они держатся за простоту. И их можно понять. Клянусь, что никогда бы я не стал заводить — не только с ними, но и вообще — слишком сложных и глубоких метафизических разговоров, если бы не одно крайне важное обстоятельство.

Вдумаемся: эти люди, укорененные в советских смыслах (и можно даже сказать, вере советской), почему-то потеряли эти смыслы (и эту веру). ПОЧЕМУ? Потому что укоренены они были в эти советские смыслы ПО-ПРОСТОМУ. Советская их вера была опять же ПРОСТОЙ. И жили бы они прекрасно в этой простой вере, ориентируясь на простые смыслы, да только вот пришли негодяи и начали простое, так сказать, расковыривать: «Ах, вы не знаете, что на самом деле было так-то и так-то. Так узнайте!

Карло Сарачени, ок.1610. Григорий Великий.
Ccaima artita.ru

Мы специалисты. Мы вам расскажем». И такое порассказали, что вера рухнула, обнажилась эта самая бездна.

Так где гарантия, что завтра не будет аналогичным образом атакована православная или какая-нибудь другая религиозная простота? Ведь тут что советская простота, что любая другая мировоззренческая простота, религиозная в том числе. Пока ее не атакует сложность — все в порядке. А когда атакует? Между прочим, в ведущейся против нас войне все подлинно метафизическое атакуется прежде всего.

Ибо когда у вас отнимают метафизическое содержание, вы постепенно теряете идеальное.

Лишившись идеального, вы теряете способность к выдвиганию и реализации подлинно стратегических целей.

Потеряв цели, вы теряете ценности (на самом деле последовательность именно такова).

Далее исчезают нормы.

После их исчезновения теряются небуквальные, непозитивистские, прагматические значения всего на свете. И прежде всего — произносимых слов. То есть разрушается язык. А ведь он — средство коммуникации.

Вы теряете способность строить подлинные, плотные, страстные коммуникации с другими. А значит, вы не способны создавать социальные структуры вообще и уж тем более — социально-политические структуры того типа, который нас интересует. Прости-прощай субъект, способный к реализации нового исторического проекта! Субъект — это социальная структура. Причем особо плотная. А закон образования социальных структур гласит: «Нет и не может быть структуры без дискурса».

Нет субъекта, способного возглавить борьбу за освобождение — нет и освобождения. А также восхождения и всего остального.

Порабощение становится фатальным, необратимым.

Вот почему враг не хочет, чтобы мы занимались метафизикой. Кстати, когда занимались ею по-настоящему крупные политики, боровшиеся за пробуждение народов ради их освобождения? Тогда, когда терялась любовь к Отечеству. Нельзя жертвенно бороться за освобождение того, что не является предметом страстной твоей любви. Именно это: не полюбишь — не освободишь, — понимает враг. И потому навязывает такие имена нашей не безупречной, но страстно любимой Родине — «эрэфия», «путинярня», «рашка» и так далее. Это, между прочим, метафизическая война. Мы не будем ее вести — ее поведет «Новая газета». В дельфинье-рыцарском, так сказать, направлении.

Такова цена вопроса, братья и сестры. До встречи в СССР, свободном от дельфинье-рыцарской пакости.

Сергей Кургинян

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Очередной разговор о Поклонной нужен совсем не для того, чтобы опровергнуть обвинения, выдвинутые в наш адрес провокаторами и идиотами. Сейчас этот разговор нужен для того, чтобы читатель в полной мере осознал, чем Поклонная отличается от Колонного

От Поклонной до Колонного

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России (продолжение - 5)

LV.

К 2015 году народ поймет, что белоленточные шоу на Болотной и Сахарова были «медведингами». То есть политическими шоу, организаторы которых пытались добиться продления президентских полномочий Д. Медведева.

К 2016 году народ поймет, что Зюганов сознательно и вопреки своим политическим интересам принимал в 2011–2012 годах участие в «медведингах». То есть в поддержке политика, с которым у президента США, если верить агентству Associated Press, складываются *очень хорошие отношения*. Что же касается Путина, то про него Барак Обама сказал, что *«Путин одной ногой стоит в прошлом, а другой в будущем»*. И так, Путин лишь одной ногой в будущем, Медведев, надо полагать — двумя ногами. И потому считает необходимым осуществить десовветизацию на манер денацификации, то есть «Нюрнберг-2».

Обе ноги в будущем... Их обладатель, вознамерившийся осуществить десовветизацию и Нюрнберг-2... «Медвединги» во славу двух ног, стоящих в будущем, и Нюрнберга-2. И участие в этих «медведингах» — кого? КОММУНИСТОВ!

LVI.

Вопрос на засыпку: мог бы Обама порассуждать о том, кто из политиков Китая только одной ногой стоит в будущем, а кто двумя ногами, так сказать, его попирает?

Почему Обама не осмелился бы рассуждать на эту тему даже в Экваториальной Африке? Ну, хотя бы потому, что он этим страшно подставил бы того местного политика, которому бы выдал мандат на полную сопричастность будущему. Население оскорбилось бы. Мол, «какое тебе, иностранцу, дело до того, кто из наших политиков как укоренен в будущем? И почему надо считать, что тебе это самое будущее ведомо?»

Возникает два вопроса. Первый: почему Обама, прошу прощения, так раздухарился в России? И второй: почему Россия умылась?

В поисках ответа на эти вопросы признаем, что в течение всего постсоветского периода те или иные представители нашей политической элиты время от времени восклицали: «Россию разгромила и оккупировала Орда!» Под Ордой имелся в виду Запад. Лично мне это говорил Валентин Павлов, последний глава советского правительства. «Орда уже кибитки поставила в московском Кремле, — говорил он мне, — а мы бездействуем». Потом о завоевавшей нас Орде заговорил Ю. Лужков. Кстати, у этих разговоров было сразу несколько политических смыслов.

Один — на бой с Ордой русские земли подняла Москва.

Другой — раз не пришло еще время подымать на бой с Ордой русские земли, нужно получать от Орды ярлык на княжение.

Теперь на сходную тему витийствует один из депутатов «Единой России», раз за разом голосуя за законы, укрепляющие власть оккупанта...

LVII.

Но предположим, что нас действительно оккупировали. И потому Обама как новый хан Батый может рассуждать о том, кто у нас достоин ярлыка на княжение, то бишь стоит двумя ногами в будущем. А кто ярлыка на княжение не достоин, а значит обеими ногами в будущем не стоит. Подчеркиваю, предположим, что это так. Потому что я-то считаю, что это совсем не так. Но предположим, что это так — и что?

Мало ли кого когда-то кто-то побеждал и оккупировал! Это далеко не всегда приводило элиты побежденных народов в состояние экзотического поклонения победителю. Например, Эльзас и Лотарингия переходили из рук в руки — и что? Разве, когда побеждали немцы, франкофильская элита Эльзаса и Лотарингии начинала ползать на брюхе перед немцами? Лакействовать? Лихорадочно пытаться угадать, в чем состоит воля победителя? Исполнять эту волю с тем особым сладострастием, с которым Козырев и другие исполняли волю американцев? Ничуть не бывало! Сжимали зубы, затаивались, переходили на полуподпольное положение, как-то сообразуясь с реальностью. Потом Эльзас и Лотарингия переходили к французам. И что? Германofilы Эльзаса и Лотарингии срочно перекрашивались во франкофилов? Не было этого. Могу привести еще много примеров того, как мумро и отчужденно вели себя элиты стран и народов, разгромленных завоевателями и попавшие под иго оккупационных администраций.

LVIII.

Между тем, все эти разговоры о разгроме, оккупации, Орде и так далее — всего лишь фигура речи. Или, точнее, очень и очень эксцентричная политическая гиперболо.

В начале 90-х годов XX века газета «День» использовала гиперболу «временное оккупационное правительство Ельцина-Бурбулуса». Но ведь все понимали, что речь идет о гиперболе.

Что наши войска (покамест!) не разгромлены американцами.

Что никто не подписывал (покамест!) акта о безоговорочной капитуляции.

Что не было (покамест!) никакого нюрнбергского процесса.

Что улицы наших городов не патрулируются (покамест!) американскими патрулями.

Что нет никакой прямой аналогии между постсоветской ситуацией и ситуацией Орды. Или ситуацией Германии, подписавшей в 1945 году безоговорочную (и именно безоговорочную!) капитуляцию.

Что задолго до мюнхенской речи Путина Ельцин начал дерзить американцам.

Что американская агрессия против Сербии вызвала очень резкую реакцию самых разных наших политических партий, включая так называемые демократические.

Между тем, повторяю, даже когда страны, гораздо более слабые, чем Россия, терпели буквальное поражение и подвергались буквальной оккупации, элиты этих стран умели вести себя и сдержанно, и даже разумно-конфронтационно.

И никогда президент США перед выборами созданного американцами ФРГ, государства, находившегося на момент его создания в глубочайшей зависимости от США, не осмелился бы сказать, что Аденауэр стоит двумя ногами в будущем, а его конкурент в будущем укоренен недостаточно. Потому что скажи президент США что-нибудь такое раздавленным, растоптаным немцам — они бы Аденауэра не выбрали. Сказали бы американцам: «Не валяйте дурака! Сохраняйте свою оккупационную администрацию, командуйте нами почем зря. Но если начался разговор о нашем демократическом выборе, о нашем государстве — то не хамите с такой отвязностью. А будете хамить — мыотреагируем как люди, находящиеся в наисложнейшем положении, но обладающие чувством собственного достоинства».

Так почему же Обама осмелился исполнить этот номер в России?

И почему ему этот номер сошел с рук?

Почему не вышли на улицу стотысячные толпы? Почему не возмутилась Государственная Дума?

Почему не вспомнила о национальном достоинстве наша интеллигенция?

Почему не заголосили наши СМИ?

Почему не оказались напечатаны на первых полосах газет с разной идеологической ориентацией сходные статьи на тему: «Обама — наглый хам, оскорбивший наше национальное достоинство?»

Ну хорошо, либеральная часть нашей элиты неотреагировала подобным образом потому, что наш либерализм имеет отчетливый компрадорский душок. А консервативная элита? А тот же Зюганов, наконец? Ведь не ответил солидарным негодованием на это наглое высказывание уроженца Кении, ставшего президентом США, мы послали американцам и Западу в целом некий очень опасный сигнал. Мы сообщили им об отсутствии у нас чувства собственного достоинства. Об отсутствии тех самых скреп и многого другого. То есть о том, что нас можно брать голыми руками. Ну так они и попытались взять нас голыми руками, выведя своих поклонников на Болотную и Сахарова. И чуть было не преуспели. Если бы не Поклонная. Так ведь?

LIX.

Итак, перед тем, как начались «медвединги» 2011–2012 годов с участием КПрФ, американец №1 кенийского происхождения с наглостью, достойной нового хана Батыя, заявил о том, что президент России

Дмитрий Медведев не чета Путину, который лишь одной ногой в будущем. В отличие от Путина, Дмитрий Анатольевич в этом будущем, так сказать, и обеими ногами, и всем своим естеством. И потому кениец будет работать именно с ним. Это возмутительное заявление вызвало бы массовое возмущение в любой стране мира. Возмущение высказали бы политики разной ориентации. Потому что все они должны были бы отреагировать на общенародное возмущение. Почему в России произошло нечто другое? ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ? Этот вопрос задавал когда-то Василий Макарович Шукшин. Вот бы и ответить на него в те далекие времена. Не ответили. Произошла чудовищная перестройка. И что? Будем уходить от ответа и ждать перестройки-2?

Итак, сначала нацию оскорбил Обама, американец №1, и нация этого поразительным образом не заметила.

Потом — опять-таки до Болотной и Сахарова — американец №2 по фамилии Байден с наглостью, достойной нового хана Сартака (кто не помнит — старшего сына Батыя), похлопал по плечу не Медведева, а Зюганова. И сказал: «Вот ведь не думал, не гадал, что буду поддерживать коммунистов... А оказалось, что надо поддерживать. И будем поддерживать». И опять же, это не вызвало ни массовой реакции негодования, ни надлежащей реакции КПрФ. На передаче у Минаева я попытался побудить к такой реакции участвовавшего в передаче Мельникова, высокого босса КПрФ. Босс шарханулся от моего предложения осудить Байдена, как черт от ладана. И стало, знаете ли, совсем грустно. То ли Зюганова поманили ярлыком на княжение... То ли все еще более поганое и мелко. Мол, ярлычок мы выдаем Медведеву, а ты его поддержи, и мы тебя не забудем.

Потом начались «медвединги».

Потом мы дали отпор «медведингам».

Потом начались разоблачения, доказывающие, что Болотная и Сахарова были именно «медведингами». Подробно описывалось, какие именно лица из окружения Медведева какую именно помощь оказывались организаторам Болотной и Сахарова.

Потом к этим расследованиям добавились другие, еще более шоковые и совершенно неопровержимые. Были предоставлены неоспоримые доказательства того, что благородные организаторы протеста против злодеяний путинизма лакействовали перед иноземцами самого низшего пошиба. Ну кто такой Таргамадзе, перед которым холуистовали Удальцов сотоварищи? Это не Батый и не Сартак... Это в лучшем случае жалкий ордынский сотник. Да и на это Таргамадзе не тянет. И на тебе...

Но и эти расследования не оказали должного воздействия на общественное сознание. И прежде всего, на сознание нашей элиты, надрывно рекламирующей себя в качестве сообщества подлинно свободных людей. Возникает вопрос: свободных от кого? Нет, я даже не спрашиваю «для чего». Я спрашиваю — от кого? Ведь ника-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

кой свободы от Обамы, Байдена, Таргамадзе у Медведева, Зюганова, Касьянова, Удальцова, как мы видим, нет и в помине.

Итак, через пару лет все будут говорить, что Болотная и Сахарова — это «медвединги» и даже фыркать: «Эка, открытие, понимаешь. Ежу понятно, что это так».

Но дорого яичко к Христову дню! Надо было фыркать в тот момент, когда героический протестант Удальцов (по совместительству — холуй, заискивавший перед ничтожеством по фамилии Таргамадзе) сказал Медведеву, оказавшись на встрече президента с лидерами белоленточного протеста: «Дмитрий Анатольевич, отмените выборы, продлите Ваши драгоценные полномочия и избавьте нас от ужасного Путина».

С этого момента ни у кого не должно было остаться никаких сомнений в том, что Болотная и Сахарова — это именно «медвединги». Причем, «медвединги» с участием Зюганова, буйно восхищавшегося тогда организатором «медведингов» Удальцовым. Обществом ткнули лицом в грязь этой несомненности. А оно... Почему оно не отреагировало? Почему не возмутились хотя бы сторонники этого самого Удальцова, верившие в... Стоп. Верившие? Если бы они во что-нибудь верили, они бы возмутились. А значит... Значит, не возмутились они именно потому, что ни во что не верили.

И свободололюбивые либералы-дельфины не возмутились обнаружению «медвединговой» подоплеки действий своих кумиров именно потому, что ни во что и ни в кого не верили ни на грош. Когда в кого-то верят, и этот «кто-то» веру обманывает, обманутые обязательно возмущаются. И потому «кто-то» соблюдает хотя бы элементарные приличия и правила.

Ведь произошли это — не в Греции даже и не во Франции, а в африканской стране — возмущение было бы очень бурным и массовым. И потому африканскому «удальцову» не пришлось бы в голову так публично лебезить перед африканским «медведевым».

Ну и каков же вывод? Стоп. Не будем торопиться с выводом. Попробуем ответить на вопрос Шукшина — ЧТО ЖЕ С НАМИ ПРОИСХОДИТ? И осознаем, что лимит времени, отпущенный на поиск ответа, фактически на исходе.

LX.

Отвечать надо было, повторяю, в начале 80-х годов XX века. А лучше бы в начале 70-х. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Если мы хотя бы сейчас не ответим себе на этот вопрос, страна будет униженно умирать.

Итак, вначале надо понять, что именно происходит. А уже поняв — действовать, преодолевая ТО, ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ.

Все мои модели: зона «Ч», архаизация, регресс, геттизация и так далее — нужны для того, чтобы проделать путь от понимания к преодолению.

Сначала — понимание. То есть ответ на вопрос о том, что же именно с нами происходит. Ответ полноценный, глубокий, предельно честный.

Повторяю, без ответа на этот вопрос страна погибнет еще до 2020 года.

Подчеркиваю — нужны не размытые рассуждения вокруг да около, а по настоящему честный и глубокий ответ. Тут нужно дойти до самой сути. Обязательно нужно!

Причем не ради посрамления одних и восхваления других. А ради спасения Отечества и народа. Как говаривал русский былинный герой Илья Муромец: «А не ради ведь мы князя да Владимира, а не ради мы княгини да Апракси... ради матушки свято Русь-земли... Да для-ради вдов, сирот, людей бедных...»

Для-ради всего этого я продолжаю заниматься очень неблагодарным делом. И сообщаю читателю, что через несколько лет констатация того, что Болотная и Сахарова были «медведингами», станет общим местом. Но ни в конце 2011 года, ни в течение 2012 года, ни к настоящему моменту это еще не стало общим местом. Не стало даже общепризнанной гипотезой, требующей детального обсуждения (а ну как и вправду это так?).

Ну, не стало и не стало... По этому поводу те, у кого я учился политике, говаривали: «В политике то, что дважды два четыре, надо

доказывать долго, терпеливо, ломая голову над наиболее убедительными доказательствами и, главное, не сетуя на то, что народ сходу не понимает столь очевидных вещей».

Так я и не сетую. Я, напротив, делаю от-правной точкой анализа констатацию того, что зимой 2011–2012 гг. НЕЛЬЗЯ БЫЛО доказать перевозбужденным и не слишком компетентным людям, что Болотная, Сахарова и так далее были «медведингами».

Что в тот период правила бал идиотская, волююще непрофессиональная болтовня: «Мол, поскольку борются Путин и Зюганов... (на самом деле борются Путин и Медведев, но об этом — молчок). Поскольку на Болотной и Сахарова собираются митинги ПРОТИВ Путина... (на самом деле собирается митинг за Медведева, но и об этом — молчок). То это, знаете ли, митинги ЗА Зюганова... А поскольку на Поклонной собирается митинг против Болотной и Сахарова, то это, знаете ли, митинг ЗА Путина (на самом деле, я на Поклонной прямо сказал, что являюсь противником политики Путина, но и об этом — молчок)». Но главное не в том, что я сказал. А в том, что если на Болотной и Сахарова собирался «антипутинг», то он в каком-то смысле был «зюганингом». А если на Болотной и Сахарова собирался «медвединг», то он был «антизюганингом» в той же мере, как и «антипутингом».

Так вот, о том, что Болотная и Сахарова были «медведингами», тогда молчали в тряпочку. Тогда этого не понимали обманутые люди. Теперь это часть из них понимает. Вскоре это поймут все. Но тогда этого не понимали очень и очень многие простые и ни в чем не повинные люди.

Да, ни в чем не повинные, если только... Если только не считать, что простота в условиях катастрофы — это в каком-то смысле уже почти вина (простота хуже воровства).

Итак, наглый, тупой, не желающий признать очевидное псевдоэксперт начинает дурить простым людям голову и внушать им, что Болотная и Сахарова — это не «медвединг», а «антипутинг». То есть «зюганингом». Простые люди верят. Псевдоэксперт воеет. Простые люди подвывают. Не то чтобы очень истово, между прочим. Много раз беседовал с подвывающими. И свидетельствую — если не обижаться, а спокойно доносить правду, подвывающие быстро успокаиваются. Очень быстро! Между прочим, в перестроечные времена это было совсем не так. Потому что видеть на трибуне Шендеровича, Касьянова, Немцова и прочих и верить, что происходит «зюганингом», очень трудно. А кто-то (и их было никак не меньше десяти процентов электората), почесав репу, говорит: «Если это называется «зюганингом», то я лучше пойду на «путинг»».

Очередной разговор о Поклонной нужен мне совсем не для того, чтобы опровергнуть обвинения, выдвинутые в наш адрес провокаторами и идиотами. Это я сделал год назад в других статьях и телевизионных передачах. Сейчас же этот разговор мне нужен для того, чтобы читатель в полной мере осознал, чем Поклонная отличается от Колонной. Чтобы он осознал — в феврале 2012 для негативной оценки Поклонной сбитыми с толку «зюгановцами» (а также прозюгановским электоратом и примыкающими к нему группами) БЫЛИ ХОТЬ КАКИЕ-ТО ОСНОВАНИЯ.

А в феврале 2013 для негативной оценки съезда в Колонном зале ни у каких даже самых тупых «зюгановцев» и ни у каких примыкающих к ним сколь угодно замшелых патристических групп НЕТ НИКАКИХ ОСНОВАНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ И НАИТУПЕЙШИХ.

В феврале 2012 еще можно было вопить, адресуясь к непонятливым и податливым, что «общество должно выбирать между Путиным и Зюгановым»... Что «хотя и очень нехорошие Шендеровичи выступают против Путина, но этих Шендеровичей надо все-таки поддержать ради победы Зюганова»... Что «Шендеровичи поддерживают Зюганова»... Что «кургиняновский удар по Шендеровичам есть удар по Зюганову. То есть поддержка Путина».

Да, эти вопли были очень комичны, безграмотны, неадекватны реальности. Но они были хотя бы в минимальной степени правомочны. И опять же, в минимальной степени обладали хоть каким-то политическим содержанием — пусть наипустейшим, аживым, беспомощным, но все-таки СОДЕРЖАНИЕМ.

LXI.

А теперь приглядимся, причем предельно внимательно, чем все это СОДЕРЖАНИЕ отличается от содержания того, что происходило в Колонном зале.

И убедимся, что отличие сокрушительное. Да-да, именно сокрушительное! Ведь именно для выявления такого сокрушительного, фантастического, шокового отличия мы и занялись сопоставлением двух событий, не правда ли? И только сейчас мы выходим на такое сопоставление, которое позволяет обнаружить нечто загадочное и удивительно пакостное, сокрушительное, шоковое и так далее.

Ибо по отношению к тому, что происходило в Колонном зале, невозможны даже те беспомощные тупые обвинения, которые были выдвинуты по отношению к тому, что происходило на Поклонной горе. Я имею в виду обвинения, выдвигаемые зюгановцами. Антинародные «дельфины» — те в своем праве. Им мы мешали и на Поклонной, и в Колонном зале. Но зюгановцы-то ТЕПЕРЬ в чем нас обвинить могут?

В связи с особой важностью ответа на этот вопрос, я, дабы графически подчеркнуть ключевой характер этого ответа, обвожу его в некую траурную рамку.

ИТАК, В ЧЕМ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ТЕПЕРЬ ЗЮГАНОВЦЫ МОГУТ НАС ОБВИНИТЬ?

В том, что мы поддержали «закон Димы Яковлева»?	Но зюгановцы ТОЖЕ поддержали «закон Димы Яковлева».
В том, что мы потребовали отказа от ювенального западного подхода к защите детства	Но зюгановцы ТОЖЕ требуют отказа от западного ювенального подхода к защите детства!
В том, что мы потребовали прекратить издевательства над преподаванием русской литературы?	Но зюгановцы ТОЖЕ требуют прекращения этого издевательства.
В том, что мы называем преступным «Акт Магнитского», принятый американцами?	Но зюгановцы ТОЖЕ называют этот акт преступным. И потому поддерживают «закон Димы Яковлева».
В том, что мы провели свою акцию в Колонном зале Дома Союзов?	Но зюгановцы ТОЖЕ провели свою акцию ТАМ ЖЕ.
В том, что мы объявили войну компрадорам («тамошним»)?	Но зюгановцы ТОЖЕ им объявили войну. И даже принесли в виде жертвы на алтарь этой войны свою дружбу с Удальцовым. Это в 2011–2012 гг. они противопоставляли нас, плохих, хорошему Удальцову. А теперь они прокляли Удальцова. И белоленточников тоже.

Почему общество не возмущается, когда Байдена, аки новый Сартак, похлопывает по плечу Зюганова и К°, причем с ухмылкой, крайним пренебрежением?

Почему не возмущается сам Зюганов?

Почему общество не возмущается, когда революционер Удальцов начинает лебезить перед Медведевым и Таргамадзе?

И почему удальцовцы не возмущаются?

Почему, наконец, может произойти то, что обведено мною в рамочку?

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ, ЕСЛИ ВСЕ ЭТО ВОЗМОЖНО, ЕСЛИ НА ВСЕ ЭТО НЕТ АДЕКВАТНОЙ РЕАКЦИИ?

Являемся ли мы обществом?

А если мы им не являемся, то почему мы им не являемся?

И чем тогда мы являемся?

И... И все-таки, читатель, ЧТО ЖЕ С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

Да с нами, с нами! Я ведь даже не пытаюсь сделать «ход конем» и сформулировать вопрос по-другому: мол, что же с НИМИ происходит?

Потому что я не Латынина и не Быков. Потому что я понимаю, что происходящее, увы, происходит именно С НАМИ.

«Я вижу рабство и гнет, производ и насилие повсюду, / Безмерный чувствую стыд, ибо народ мой унижен — И ЭТИМ УНИЖЕН Я САМ» (Уолт Уитмен).

Мы унижены этим. Мы, постоянно борющиеся с коллективным унижением умопомешательством. Мы — а не те, кто подвержены этому умопомешательству. Потому что подверженные умопомешательству — тоже часть нашего народа. Если только... Если только есть народ... Пусть даже претерпевающий некое унижение умопомешательство. Или же пребывающий в не менее униженном безразличии, которое сродни умопомешательству. Согласно которому болтуны болтают невзвесть что, а слушатели в полусне внимают болтунам, не реагируя ни на что из того, что болтуны сообщают. Потому что болтуны — они и есть болтуны.

Верят ли подверженные умопомешательству болтунам...

Пребывают ли в прострации, не понимая, что нельзя не реагировать на то, что болтуны говорят, а сказав, еще и сопровождают определенной политической пантомимой... В любом случае, с нами что-то происходит. И происходящее происходит с нами.

То, что я обвел в рамочку, — часть происходящего. То бишь часть национального унижения. Прострация униженности... Умопомешательство тоже... И слабоумие... И безразличие... И...

LXII.

Ничего сейчас так не хочет недобитая часть нашего общества, как раскрытия этой тайны. Когда человек страстно хочет разгадать невероятно важную для него тайну, он не сидит, сложа руки. И не сводит свои попытки разгадать тайну к прочтению чужих, сколько угодно для него интересных исследований. Он сам проводит свои исследования, варьируя их жанр. И очень важно понять, как именно варьируется жанр. И какое именно знание пытаются добыть люди, проводящие исследования в разных жанрах, включая жанр эссе, жанр аналитической лирики. Я сейчас предложу читателю ознакомиться с одним присланным мне исследованием, относящимся именно к жанру аналитической лирики, жанру «рефлексивных эссе». Ведь и впрямь тайна сия велика есть.

Продолжение статьи — на стр. 4.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение статьи — со стр. 3.

И вполне допустимо использовать для ее раскрытия и разножанровость, и включение в повествование очень развернутых размышлений, которые принадлежат не тебе, а другим.

Предположим, что я пишу аналитический роман. И включаю в этот роман большое написанное мне письмо. Правомочен ли такой прием? Конечно, правомочен. И он не раз использовался при написании подобных романов.

Итак, я предлагаю читателю ознакомиться с аналитическим эссе «Тутошние и тамошние», присланным мне из Санкт-Петербурга. Автор эссе — Марина Юрьевна Александрова.

« Тутошние и тамошние

«Дворцовая площадь привлекала нас не только как место для игр, но и по серьезному поводу — там всегда было полно иностранцев, которых называли фирмачами, то есть это те, кто живет в «фирменных» странах. Как-то, провожая глазами уходящий автобус с иностранными туристами, кто-то из ребят с завистью сказал:

— Люди поехали!

...Иногда на большой перемене мы успевали сбежать на Дворцовую и приобрести вожаденное изделие. Когда не у кого было взять, отскабливали от мостовой. Для этого использовалась металлический колпачок от поршневой ручки. У него были острые края, которые прекрасно отковыривали придавленную многими ногами резинку. Попадались очень жирные и почти нежеванные экземпляры. Помогешь под краном и еще несколько дней жуешь».

Эти вызывающие приступ тошноты откровения — из книги воспоминаний Максима Леонидова, лидера очень популярной в свое время и даже, в общем-то, неплохой, хотя и весьма вторичной питерской группы «Секрет». Они, на мой взгляд, прекрасно отражают самую суть мировоззрения тех, кого Сергей Ервандович Кургинян очень метко назвал «тамошними», — мировоззрения не только маленьких, но очень даже взрослых. Разница только в том, что взрослых привлекает уже не пропитанная химической эссенцией резина, а мусор посложнее и подороже.

Что же это значит — быть «тамошним» или «тутошним»? Здесь важно избежать упрощения, не свести «тамошность» к несколько одиозной формулировке «низкопоклонство перед Западом», а «тутошность» — к не менее расплывчатому слову «патриотизм». За «низкопоклонство» вполне можно принять — и порой принимали! — модную прическу, «не наш» покрой штанов или музыкальные пристрастия. «Патриотизм» же у кого-то бывает показным, сводится к трескучим фразам и разрыванию рубахи на груди, или же и вовсе скатывается к шовинизму, огульному восхвалению своего и очернению чужого.

Хотя, если задуматься, то да, никуда не денешься: действительно «низкопоклонство» и действительно «патриотизм». Но вот какие?

Плоха ли сама по себе заинтересованность западной жизнью, признание того, что «за бугром» есть такое, чему можно поучиться? Все нет!

Такая заинтересованность, даже очарованность, была в свое время у молодого Петра. Но если бы Петр I вошел в историю только борьбой с бородами и долгополюми кафтанам, если бы он лишь внедрял в русский быт кофе с табаком и устраивал шумные ассамблеи, то был бы он, пожалуй, ничем не лучше Ажедмитрия. Но его истинной целью было другое — набравшись по границам чужого ума и толково применив эту науку, жить дальше своим умом и своей многократно возросшей силой. Чтобы потом, под Полтавой, поднять задранный кубок за порядком сконфуженных (военное поражение тогда называли конфузией) «учителей». Россия, ее величие и благо, а во все не диковинки из иноземных кунсткамер были истинной страстью Петра.

Не так у «тамошних». Они не просто видят на Западе хорошее, что стоило бы перенять, для них Запад — некая ослепительно сияющая вершина, светило без единого пятнышка, нравственный эталон и средоточие благ. Западность у таких людей — своего рода религия. Если уловить эти рели-

гиозные нотки, тогда можно легко понять пристрастие будущих либералов к пережеванной иноземными челюстями жвачке. И суть не в том, что жвачка вкусная (помню, как учившийся в мореходке двоюродный брат привез несколько пластинок американской апельсиновой резинки; мне очень быстро надоело — не понравилось, не было никакого кайфа в том, чтобы жевать несъедобное... пластинки так и валялись в шкафу, пока не высохли). Суть в том, что она «оттуда», что такое жуют «люди». Пожуешь — и сам станешь немножечко «человеком», а не убогим «совком», «причистишься благодати». Любой голос, исходящий от западных элит, для «тамошнего» — что-то вроде гласа из неопалимой купины. Повинуясь ему, ты легко и радостно порвешь любой партбилет, изменишь любой присяге, отдашь на заклятие ребенка (особенно, если это не твой драгоценный «дельфинчик», на чью учебу в Гарварде давно отложены средства, а безвестный сирота, «малёк анчуса»).

Нет, это не банальная пятая колонна, не проплаченные «агенты влияния» — это хуже и трагичнее. Если на вершине этой пирамиды — «норковые революционеры» с айфонами и айпадами, соблазненные физическим комфортом и материальными благами, то ее основание составляют обычные люди, даже не мечтающие о куршевелях, яхтах и фуа-гра. Они просто с унылым фанатизмом убеждены в том, что в «сраной рашке» никогда не было и не будет ничего хорошего, что само существование России — какая-то грустная ошибка, а потому единственное спасение для убогих — слушаться дядю и не бунтовать, иначе будет только хуже. «Дяденьку мы слушались, хорошо накушались...» Основная масса «тамошних» — вовсе не злодеи, а несчастные крысы, завороченные дудочкой пестрого флейтиста и коленцами тех, кто ему подыгрывает, подпевает и подтанцовывает. Но известно ведь, что не клир делает церковь (или антицерковь), ее делает паства... Мотыльковая тяга к чужим огням и беспросветная «опущенность», вера в то, что родной дом — это «темное царство», — две стороны одной медали.

А что же «тутошние»? Неужто они (мы) — это те, кто, как изображают оппоненты, считают Россию «родиной слонов»? Ни в коей мере. Напротив, истеричный шовинизм — это порождение неуверенности, уязвленности, страха. Шовинист в глубине души — почти «тамошний», он уже почти поверил в то, что его Родина «отстала навсегда», и боится поверить полностью. Он закрикивает свой страх и цепляется за «особый путь» не потому, что действительно считает его правильным и спасительным, а потому, что на других путях его и страну ждет, как он думает, судьба «лузера». Это такое же нерассуждающее, псевдорелигиозное мироощущение, как и то, отражением которого является. Но с завязанными глазами можно найти только гибель.

Быть «тутошним», как мне представляется, — это значит, прежде всего, страстно любить свою Родину, любить горячо, всем сердцем, — и при этом зрячей, подлинной любовью, любовью знающей. Странно выглядел бы человек, жадно рассматривающий и целующий портрет возлюбленной — и игнорирующий ее саму, со всеми ее достоинствами, недостатками, привычками и особенностями характера, потребностями и страстями. Такой человек не сможет никого сделать счастливым и очень скоро останется в одиночестве, с мертвым портретом в руках. «Тутошние» потому и тутошние, что не подменяют живую жизнь мифами, а дело — красивыми словами. Это те, кто живет здесь и сейчас, не витая ни в каких облаках, кто готов «настоящим образом» изучать жизнь своей страны и законы жизни вообще, чтобы применять понятое на деле, работая на благо своего Отечества. Кто готов терпеть при этом любые лишения — но не из мазохизма, не от недостатка любви к себе, а потому что все познается в сравнении, и по сравнению с судьбой Родины личный комфорт представляется чем-то пренебрежимо малым, какой-нибудь забавной, но не очень нужной цацкой вроде яркого брелока на телефоне, а то и брошенным фантиком или пережеванной жвачкой на асфальте.

В свое время поющий сочинитель Булат Окуджава (много, много среди «тамошних» разнообразных певцов, музыкантов и сочинителей) выдал фразу, которую «та-

мошние» времен перестройки немедленно занесли на свои скрижали: «Патриотизм — чувство не сложное, оно есть даже у кошки». Маститый бард сам не понял, что сказал и как невольно припечатал себя и своих единомышленников. Существо, у которого отсутствует чувство, присущее даже кошке, — к какому семейству, классу и виду его отнести? Насколько жалко «рукопожатный» завсегда модных тусовок, готовый в любой момент, подобно инфузории туфельке на предметном стекле, перетечь из той части питательного бульона, где вдруг стало не вкусно, в соседнюю, выглядит по сравнению с заурадным усатым-полосатым котяткой! Который, потерявшись в чужом городе, месяцами пробирается домой через множество преград и опасностей, не соблазняясь сердобольным «кис-кис» бабушек-кошатниц и чужими дверями, где могли бы пожалеть, пригреть и накормить, и, наконец, объявляется у родного порога — тощий, в колтунах и с рваным ухом, но бесконечно счастливый! Этому четвероному Одиссею, вновь обретшему свою Итаку, можно сопереживать, им можно восхищаться и даже уважать, его история, которая, увы, никогда не будет рассказана, трогает сердце. А чем пытаются тронуть наши сердца вполне двуногие и весьма речистые «тамошние»? Бесконечным плачем о перенесенных притеснениях и страданиях, о том, как им не позволили, не пустили и не пропустили, не «залицовали» гениальный текст, как лезли с кирзовыми сапогами в тонкую и нежную душу.

Кстати, о кирзовых сапогах. В той же книге воспоминаний Максима Леонидова немало страниц отведено службе в армии. Эти годы музыкант однозначно считает потерянными, а армейскую жизнь описывает в стиле анекдота с элементами ужасика и недвусмысленно намекает на то, что непременно пропал бы, не оказавшись он в Ансамбле песни и пляски, где существование было хотя бы сносным. Чувствуется, что человек до сих пор как вспомнит — так вздрогнет, хоть и пытается скрыть ужас и отвращение за иронией. Мой отец, отдавший Советской армии всю свою трудовую жизнь до пенсии и немало лет после, в молодости кочевавший по забайкальским гарнизонам, рассказывает о своей службе разное. Далеко не все было лучезарно в окружавшей его реальности и в людях. В его голосе, когда он говорит о темных сторонах военной жизни — карьеризме, показухе, воровстве и пьянстве, — звучит негодование хозяина, в чьем доме обнаружился беспорядок. Но сколько же теплых слов находится у него для честно служивших товарищей — неважно, подчиненных или начальников! Когда же о своей службе в армии говорит «тамошний», то это выглядит как мемуары белого туриста, угодившего в руки людоедов с экзотического острова и умудрившегося выжить до возвращения парохода.

В этом, пожалуй, основная, коренная разница между «тамошними» и «тутошними». «Тамошний» — это вечный турист или в лучшем случае — дачник-квартирант. У него нет своего дома, а есть номер в отделе или съемное жилье, за неполадки в котором он готов выставить массу претензий соседям и хозяевам, но не себе. Потому что турист и дачник — это не тот, кто трудится и служит, а тот, кого обслуживают. Он тут проездом и временно, и хочет, чтобы это мимолетное существование среди чужих людей было для него легким или, по крайней мере, не слишком напрягающим. Турист-дачник не вникает в жизнь чужой для него страны глубоко, не пытается по-настоящему понять «аборигенов», не привязывается ни к кому и ни к чему надолго, для него окружающее — всего лишь череда приятных или страшных впечатлений, которые можно занести в блокнот или сфотографировать. Недаром фотоаппарат и блокнот-молескин для заметок и зарисовок — непременные атрибуты субкультуры хипстеров — тех, кто составлял изрядную долю «болотных протестантов». Существенный минус в жизни туриста по призванию — ощущение себя «голым среди волков». Окружающее — экзотические джунгли, населенные чудовищами и дикарями, которые норвят или съедят тебя, или вовлечь в свои странные и опасные для здоровья обряды. Ты не субъект происходящего, ты объект внешних непредсказуемых воздействий, а потому тебе застенливо бывает очень страшно жить.

«Тутошний» — хозяин в своем доме. Он четко представляет себе, зачем он здесь. Для него вокруг все родное, близкое и понятное, а если что-то ему непонятно, то он приложит все усилия, чтобы понять — ведь без отчетливых знаний о том, как и что в твоём доме работает, ты не сможешь содержать дом в порядке и тем более не починишь сломанное. Если «тутошний» протестует, то не только и не столько потому, что борется за свои ущемленные кем-то права, а потому что ему больно видеть разруху и страшно видеть, что поезд несется по рельсам к разобранному мосту. В отличие от «тамошнего», он не тешит себя надеждой вверять соскочить, потому что он не пассажир, он член поездной бригады, он в ответе за поезд и его маршрут, даже если никто не выдал ему форменной фуражки. Он имеет мужество и желание взять на себя ответственность за то, что творится в его стране, которая никогда не будет для него «этой страной». «Тутошний» — активный действующий субъект реальности. Ему тоже бывает не по себе, но его страх не имеет ничего общего со страхом потерпевшего кораблекрушение, которого волны швыряют, словно щепку, в ночном океане. Ему приходится бояться не только за себя и свою семью, а потому даже страх не парализует его, а придает энергии. Он не ждет никаких спасателей извне, не апеллирует ни к границе, ни к городскому, он сам — спасатель, у него есть его долг и его работа.

Быть «тутошним» — значит ясно видеть истинный смысл и истинную цену вещей. Быть хозяином, тружеником, воином и строителем. Быть своим в своей стране, деревом, а не сухим листком, несущимся по ветру. И в этом — трудное, но высокое счастье.

Тутошние

*В предутренний хмурый час
Все ближе раскаты грома...
Мы — тутошние, для нас
Нет в мире иного дома.*

*Дорога судьбы легла
Под русским суровым небом.
Нас Родина родила,
Мы вскормлены отчим хлебом.*

*Вам, тамошним, он колом
Стоит в говорливой глотке.
Вы нашу страну на слом
Пустили за харч и шмотки.*

*Болтаете про мораль,
Воя о «слезе младенца»...
Вам здесь ничего не жаль,
«Прогрессорам» Экселенца.*

*Мы, тутошние, стране
Без пафоса присягнули.
Жить в вашем паскудном сне
Нам злей, чем идти под пули.*

*Нам к корму свиных корыт,
Блаженствуя, не приткнуться.
Предательства путь закрыт,
Дорога одна — проснуться*

*И, с души отрясая прах,
Стремится к своим пределам.
Вам, тамошним, — липкий страх
Пред нашим словом и делом.*

*У нас отобрать родство
Пытается вы напрасно.
Цицино колдовство
Над нами уже не властно.*

*Мы хрюкать в срамном хлебу
Не станем уже вовеки,
Сумеем жить наяву,
Не тупи мы — человеки!*

*Всю скверну и погань враз
Сметут ветра грозовые.
Мы — тутошние. За нас
И мертвые, и живые!*

Обсуждать это эссе, вписывая его в свой аналитический эпос, я буду в следующем номере.

Сергей Кургинян

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Еще до кризиса (и тем более в кризисе) в сфере глобальной экономики неуклонно росло взаимное недоверие всех ко всем. И в особенности — недоверие более слабых игроков на мировых рынках к более сильным игрокам и к глобальным организациям вроде МВФ и ВТО

Торговые войны — 5. В мировом кризисе

С 2007 г., после начала и в ходе углубления мирового экономического кризиса, интенсивность и размах торговых войн резко возрастают. Многие страны — члены ВТО решили «спасаться» введением протекционистских мер, включая заградительные тарифы и квоты на импорт. Расчет при этом был простой: пока конкуренты отреагируют жалобами в ВТО, да пока пройдет расследование ВТО (а оно, как правило, занимает от 1 до 3 лет), да пока ВТО примет обязывающее решение по отмене этих мер — глядишь, кризис завершится, и проблемы «рассосутся сами».

Однако уже к началу 2009 г. стало ясно, что кризис не завершается и проблемы не рассасываются. И что конкуренты, даже обращаясь с жалобами в ВТО, не ждут вердикта, а принимают ответные — симметричные или асимметричные — протекционистские меры.

По данным отчетов Секретариата ВТО, спад оборота мировой торговли в 2008 г. составил 10,3%, а в 2009 г. — 12% (общие потери за два кризисных года — 21%). Как признал Генеральный директор ВТО Паскаль Лами, это худший показатель с 1945 г. Хотя Лами одновременно заявил, что в 2010 г. ВТО рассчитывает на «разворот» кризисных тенденций и на рост оборота мировой торговли примерно на 10%.

При этом Лами напрасно взывал к нормам ВТО и предупреждал об опасности протекционизма, способного разрушить систему глобальной торговли, — призывы не помогали. А президент США Б. Обама напрасно дождался благотворного эффекта для американской экономики от огромных денежных вливаний в обрушивающиеся банки и корпорации, о которых мы говорили ранее, — кризис нарастал.

В январе 2009 г. Обама представил в Конгресс и Сенат законопроект с пакетом антикризисных мер под говорящим слоганом «Покупай американское». Протекционистский «замах» этого пакета был настолько скандальным, что сенат часть его мер отверг. Сенаторы заявили, что такой американский вызов миру даст основания для обвинений США в развязывании глобальной торговой войны.

Однако торговая война шла своим ходом, и взаимные обвинения в ней сыпались со всех сторон.

В 2010-м — начале 2011 г., вопреки прогнозу Лами, 10%-ного роста объема глобальной торговли по сравнению с 2009 г. не произошло: рост оказался примерно вдвое ниже. Но и этот рост был отчасти «статистической пустышкой», связанной с неучтенной девальвацией значительной части мировых валют в ходе накачки национальных экономик «антикризисными» деньгами. А одновременно выяснилось, что лишь в странах «большой двадцатки» мировой экономики (G20), число прямых дискриминационных протекционистских мер, ограничивающих свободу торговли, за 2010 г. увеличилось с 360 до 420 и продолжило расти.

Примечательно, что в условиях кризиса одним из наиболее явных «фронтов» торговых войн стали конфликты между США и Европой.

Обострились споры между США и ЕС вокруг запрета поставок на рынки Европы генно-модифицированной продукции. Приобрела новый накал давняя «банановая» война между США и ЕС, в которой Европа давала преференции бананам из своих бывших африканских колоний, а США требовали открыть дорогу в Европу для бананов из Латинской Америки. Возобновились взаимные обвинения США и ЕС в скрытом субсидировании создания новых авиалайнеров американским «Боингом» и европейским «Эйрбасом». А на все это накладывалась скрытая девальвация национальных валют.

Именно в этом контексте министр финансов Бразилии Гвидо Мантега, начиная с сентября 2010 г., сделал серию заявлений о том, что мир вступает в новую эпоху финансово-валютных и торговых войн.

В 2011–12 гг. об этом уже говорили и глава Минфина США Тимоти Гайтнер, и ряд крупнейших мировых финансистов и глав промышленных корпораций.

В 2012 г. подтверждения тезиса Мантеги пошли, что называется, «валом».

В январе Обама в обращении к Конгрессу «Америка, построенная на века» заявил, что «Конгресс должен сделать все для того, чтобы никто не имел преимуществ перед американскими компаниями, когда речь идет о доступе к новым рынкам, таким как Россия... Я не собираюсь стоять в стороне, если наши конкуренты не играют по правилам». А далее пояснил, что имеет в виду, прежде всего, Китай. Где экспортные предприятия получают субсидии, курс юаня занижен для поддержки экспорта, и откуда по всему миру расходятся контрафактные (то есть поддельные) товары и пиратское программное обеспечение.

А затем Обама сообщил, что в США учреждается новое ведомство — «Центр по контролю за соблюдением правил торговли». Которое будет по всему миру следить за действиями компаний других стран, противоречащими интересам США, и сообщать о них президенту — с тем, чтобы администрация страны предпринимала срочные ответные меры. Особо отмечу, что список «действий, противоречащих интересам США» — при этом оказался открытым для любых интерпретаций. Как и список возможных «ответных мер»...

В марте 2012 г. США совместно с ЕС и Японией подали в ВТО жалобу против Китая, обвинив Пекин в ограничении экспорта редкоземельных металлов (КНР производит более 90% этого важнейшего сырья для многих высоких технологий). По другой статье экспорта Китая — гелиоустановкам — США обошлись без ВТО. Вашингтон обвинил Пекин в демпинге и просто ввел на китайские солнечные коллекторы штрафные импортные пошлины.

Тогда же — в ходе предвыборной кампании во Франции — ее президент Николя Саркози пошел по стопам Обамы и потребовал у Национального собрания принятия программы «Покупай только европейское».

Чуть позже Обама во время посещения одного из американских автозаводов заявил: «Мне ничего не нравится из того, что производится в Китае и продается здесь. Вещи должны производиться здесь, а продаваться там». Затем Обама заговорил о необходимости программы возвращения капиталов и реальных производственных мощностей американских ТНК на родину, в США. И почти сразу вслед за этим разразился негромкий, но важный скандал. Пентагон начал широкую масштабную проверку американской военной техники, поскольку выяснилось, что в ней работает (а иногда не работает) огромное количество контрафактных китайских микросхем.

В том же 2012 году ЕС инициировал закон о выплате зарубежными авиакомпаниями, выполняющими рейсы в Европу, особого «экологического сбора». Китай и еще 25 стран, включая Россию, заявили, что примут ответные меры. Пекин тут же пригрозил аннулировать уже почти согласованный большой заказ на лайнеры А-380...

В итоге, по данным ВТО, в 2012 году в мире было принято в три раза больше протекционистских мер, чем мер по либерализации торговых режимов.

В ходе кризиса расширилось и применение такого «тяжелого» экономического оружия, как торговые эмбарго. Которые вводились или ужесточались (против Ливии, Ирана, Сирии, Северной Кореи и т.д.) как путем «продавливания» запретительных торговых санкций через международные организации, так и введением режима санкций в одностороннем порядке (этим особенно активно пользовались США).

А в ходе «арабской весны» пошли и торговые войны других типов, никак не связанные с проблемами соблюдения/несоблюдения правил ВТО.

Толпы на Уолл-Стрит утром 14 мая 1884 г.

Один из примеров таких войн — террористические действия против персонала и имущества китайских и (иногда) российских производственных и торговых корпораций в ходе «цветных революций» в Ливии и Египте (это мы, напомним, обсуждали в книге «Политическое цунами»).

Второй пример — нынешняя война в Мали. Конечно же, ее приоритетные цели — исключительно важный для Франции контроль над урановыми резервами Нигера и потенциальными урановыми ресурсами Мали. А также — дестабилизация Африки и, соответственно, торможение экономической и политической экспансии на континент Китая.

Однако по утверждению одного из осведомленных экспертов, в военной кампании в Мали «очень силен запах кокаина». Речь идет о борьбе за контроль кокаинового транзита из Латинской Америки в Европу через Западную и Северную Африку. Причем главная борьба идет между боевыми структурами радикального исламизма — и альянсом криминала и спецслужб ряда стран Африки (прежде всего, Нигерии), Европы (Албания-Косово, Италия и др.), а также США. «Цена вопроса» — огромные (причем не фиктивно-деривативные, а реальные) денежные потоки от европейской торговли наркотиками, которые всем оказались особенно нужны в условиях кризиса.

Далее, некоторые специалисты убеждены, что беспрецедентная серия религиозно-политических провокаций, происходящих в ходе нынешнего мирового кризиса — также не лишена «торгово-экономической» подоплеки.

Так, в частности, скандалы вокруг карикатур на пророка Мухаммеда, конечно же, находятся в основном в контексте развращенной в последние годы глобальной мироустройственной игры. Но они — заодно — очень существенно ослабили торговые позиции «виновных» стран Европы в исламском мире. И к такому же результату для торговли США в исламском мире привели «симметричные» провокации в Америке с публичным сожжением Корана.

Перечисленное — не исчерпывает содержания торговых войн, особенно явно развернувшихся в ходе кризиса. Одной из самых серьезных угроз глобальной свободной торговле аналитики называют все более отчетливую концентрацию торговли в рамках региональных торговых блоков.

По данным доклада МВФ, выпущенного в 2010 г., суммарный оборот торговли между основными макрорегионами мира: Азией во главе с Китаем и Японией, Европой и США с Канадой и Мексикой — уже в течение 30 лет «стагнирует» на уровне 12% от глобального. А остальные 88% оборота глобальной торговли реализуются внутри макрорегиональных торговых блоков — формальных и неформальных. Это и Евро-

союз, и НАФТА (США, Канада, Мексика), и МЕРКОСУР и АЛБА в Латинской Америке, и зона свободной торговли АСЕАН-КНР, и (на постсоветском пространстве) Таможенный союз, и т.д.

Кроме того, в глобальной торговле все большую роль начинают играть двусторонние соглашения. Один из наиболее распространенных типов таких соглашений — переход во взаимной торговле на расчеты в национальных валютах, минуя их конвертацию в основные глобальные валюты — доллар, евро, иену и т.д. Такие соглашения, формально не нарушая правил ВТО, в значительной мере выводят их участников из-под контроля ВТО, поскольку никто не может обязать этих участников использовать при расчетах рыночные (курсовые) оценки валют.

Одна из стран, наиболее активно использующих этот механизм, — Китай, который заодно предоставляет многим партнерам по двусторонним соглашениям крупные юаневые кредиты. Что позволяет ему расширять торговлю со странами, не располагающими свободной долларовой массой, а заодно и «привязывать» к себе участников таких соглашений, расширяя экспансию на новые рынки сбыта. Китай, в частности, с 2008 г. подписал соглашения о торговле и инвестициях с расчетами в национальных валютах примерно с 20 странами мира на общую сумму почти 1 трлн юаней.

Еще один тип двусторонних торговых соглашений — так называемый своп-экспорт, наиболее характерный для торговли нефтью и газом. Пример — соглашение между Туркменией и Ираном, по которому Туркмения поставляет свой газ в регионы Северного Ирана, а Иран от имени Туркмении экспортирует эквивалентные объемы газа со своих терминалов в Персидском заливе.

Эксперты подчеркивают, что описанная выше внутривалютная и двусторонняя торговля с «близкими» нередко оказывается устойчивой и предпочтительной для ее участников даже в тех случаях, когда она с точки зрения цен и объемов явно менее выгодна, чем сугубо рыночная «свободная» торговля с «далекими».

Причина, на наш взгляд, очевидна.

Еще до кризиса (и тем более в кризисе) в сфере глобальной торговли (и, шире, в сфере глобальной экономики) неуклонно росло взаимное недоверие всех ко всем. И в особенности — недоверие более слабых игроков на мировых рынках как к более сильным игрокам, так и к глобальным организациям вроде МВФ, ВБ, ВТО, в рамках которых «сильные» неуклонно проводили и проводят политику в собственных интересах и против «слабых».

Именно в этом «корень» сокрушительного провала Дохийского раунда переговоров по новому режиму ВТО, о котором мы говорили ранее. Именно по этой причине многие экономисты начинают говорить о неизбежной фактической замене глобального режима ВТО системой макрорегиональных торгово-экономических блоков и двусторонних торговых соглашений, и о кризисе или даже «смерти» торговой глобализации.

Этой тенденции, которую было бы уместно назвать «блокализацией», многие экономисты и политики серьезно опасаются. Так, эксперт по мировой торговле Я. Брахми из Колумбийского университета (один из «архитекторов» ВТО) сокрушается, что «мы тем самым делим на части мировую экономику». При этом и Брахми, и другие аналитики предупреждают, что связанные с распадом режима ВТО межстрановые и межблоковые конфликты могут вернуть мир не только в экономический, но и в военно-политический хаос.

Такие предупреждения не беспочвенны. И, значит, нам надо разбираться, каковы позиции в международной торговле у нашей России.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Вам предлагают шизофренизировать сознание, называя это диалогизацией. Больше всего здесь интересно общественное сознание, которому объявлена информационно-психологическая война, упакованная в изящную оболочку диалогизации

Диалогизация сознания

Итак, в шестидесятые годы прошлого века полузабытый Бахтин вдруг, как по мановению волшебной палочки, становится очень востребованным. Роль «извлекателя Бахтина из забвения», как мы помним, приписывает себе В. Кожин. По плечу ли была ему, в то время — скромному сотруднику ИМЛИ, столь масштабная задача? Сомнительно. Но так или иначе, в 1963 году в СССР вышла книга Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», а в 1965-м — «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

А одновременно предпринимались действия, направленные на то, чтобы идеи Бахтина получили распространение и за рубежом. Вскоре после опубликования книги Бахтина о Рабле парижское издание *Recherches internationales* напечатало статью Кожина «Эстетическая ценность романа», в которой говорилось «о настоящем перевороте в изучении Рабле». Статья предваряла дискуссию именитых западных персон (итальянского писателя Альберто Моравиа, итальянского режиссера Пьера Паоло Пазолини и др.) об этой книге. В результате Бахтин оказался на Западе «замечен». Более того — нашелся человек, который, подобно Кожину в СССР, стал энергично пропагандировать идеи Бахтина. Имя этого человека — Юлия Кристева.

Юлия Кристева

Кристева — французский исследователь болгарского происхождения. Сфера ее научных интересов включает семиотику, лингвистику, литературоведение, психоанализ. Кристева оказала существенное влияние на формирование постструктурализма — причем находясь под непосредственным воздействием идей Бахтина. Сегодня она известна также как философ, писатель, оратор.

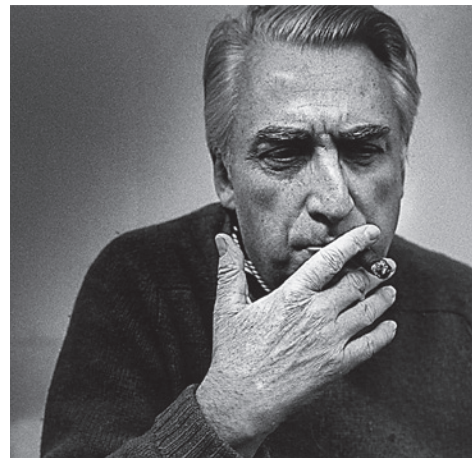
Учитель Кристевой — известный французский семиотик, один из лидеров французского структурализма Ролан Барт — так охарактеризовал свою ученицу: Юлия Кристева «всегда разрушает последний предрассудок, на котором, как считалось, можно успокоиться... она подрывает авторитет, авторитет монологической науки и традиции» (выделено мною — А.К.).

Юлия Кристева подрывает авторитет монологической науки и традиции... Но давайте сначала обсудим подрыв авторитета вообще. Если подрывается ложный авторитет, то это надо приветствовать. А если подрывается авторитет благой? Например, авторитет, на который опирается здание государственности? Или если подрывается авторитет отца или учителя? Или если подрываются все авторитеты, а значит, и все жизненные ориентиры?

Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу
не задумываясь —
«Делай ее
с товарища
Дзержинского».

Ну, хорошо — подорвали авторитет Дзержинского. Мол, садист, убийца и так далее. Но с кого-то юноша должен делать жизнь? У него должен быть идеальный герой, на которого он хочет походить? Если убиты все авторитеты, значит, таких героев не может быть вообще. А что тогда есть? На что обрекают юношу?

А еще Кристева, как утверждает ее учитель Барт, подрывает авторитет монологической традиции. Какой традиции? Во имя чего?

Ролан Барт

Да, Просвещение (оно же Модерн) подрывало устои традиционного общества. Но одновременно оно закладывало устои общества современного (Модерна). А если под видом подрыва традиции подрываются все устои? И ничего не создается? Что тогда? Тогда формируется то, что мы называем «Зоной Ч» — никаких традиций, никаких устоев. Как писал Салтыков-Щедрин, «ни бога, ни идиолов — ничего». Тут ведь важно именно это «ничего». Если нечто меняется на ничего, то есть ничто, то мы имеем дело с вторжением Тьмы. С буквальным вторжением Тьмы, ибо вторжение Ничто — это и есть вторжение Тьмы (читайте «Тошноту» Сартра).

А еще Кристева, если верить Барту, подрывает авторитет монологической науки. Что такое монологическая наука — это отдельный вопрос. Точнее, отдельный вопрос, как наука может не быть монологической. И понятно, как — отказавшись от претензий на истинность. Но останется ли при этом наука наукой? Истинность подорвана вслед за традицией и авторитетом — а наука осталась?

Но давайте подробнее разберемся, что такое подрыв монологизма — научного или любого другого. Потому что и Бахтин-то Кристевой интересен прежде всего благодаря его идее, согласно которой монологизм необходимо подорвать. Эта идея нашла отражение в книге Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского».

Если монологизм — зло, то что есть благо? Известно, что. Благо — это диалогизм. Монолог — это плохо, диалог — это хорошо. Вроде бы все в порядке. Но только диалог для Кристевой и Бахтина — это совсем не то, что знаком читателю по его обычной жизни. Это не спор между двумя людьми. Это некое состояние сознания. Сознание должно быть диалогизировано, понимаете? И тогда монологизма не будет.

Для того чтобы сознание было диалогично, в нем одновременно должен присутствовать тезис, и антитезис. Они должны одновременно присутствовать в каждом слове, в каждом образе и так далее. Ну что ж — это очень опасное, но очень перспективное состояние сознания.

Чем оно опасно — понятно. Если одновременно присутствуют и тезис, и антитезис, то сознание раздвоено. А если и тезис, и антитезис тоже диалогичны, то сознание раздроблено. И это уже чревато шизофренией. Да-да, шизофренией, а не каким-то особым суперперспективным типом открытости сознания.

Суперперспективность же существует только тогда, когда в сознании одновре-

менно с тезисом и антитезисом есть синтез. То есть диалогизм является переходной фазой — от осознания проблемы к ее решению. Или от возникновения мысли к ее разрешению. Как говорил герой любимого Бахтиным Достоевского, брат Иван «из тех, кому не надобно миллиона, а надобно мысль разрешить». Так ведь РАЗРЕШИТЬ!

Значит, сначала в твоём сознании возникает мысль или, точнее, проблема. И не абы какая мысль, не абы какая проблема, а великая мысль, проблема огромная и предельная. Потом ты понимаешь, что разрешить такую мысль, не переведа сознание в диалогическое, то есть расщепленно-бурлящее состояние, ты не можешь. Ты переводишь сознание в это, как говорит Бахтин, пороговое состояние. Но у тебя внутри кипящего тезисно-антитезисного бульона есть синтез. Если его нет, то конец. Если нет синтеза как особого ингредиента, помещенного внутри тезисно-антитезисного бульона, то кончиться это все может только нарастающим безумием, переходящим в полный коллапс.

И Достоевский об этом писал! Но только Бахтин это из своего описания мира Достоевского изъясил. Многие он описал в мире Достоевского, а об этом умолчал. Возникает вопрос — почему?

Представьте себе не философско-философскую, а конкретно психологическую ситуацию — ведь мы, как-никак, занимаемся информационно-психологической войной. Вы, как психолог, переводите сознание человека в диалогическое состояние, но забываете имплантировать в это сознание синтез. Что вы делаете с сознанием? Вы его беспощадно разрушаете. Вы превращаете человека в корчащееся, беспомощное существо.

А если вы продельваете такую операцию не с сознанием отдельного человека, а с общественным сознанием, то вы беспощадно раздавливаете общество. Зачем? Подчеркиваю — вы не переводите общество из одного состояния в другое. Вы фиксируете его в некоем пороговом состоянии, в котором оно будет корчиться вплоть до полного самоуничтожения. А вы будете любоваться этим.

Какой там граф Монте-Кристо! Он любовался муками отдельных негодяев, обреченных на гибель. А Бахтин, Кристева и другие любят муками так называемых переходных обществ. Если в сознание этих обществ поместить тезисно-антитезисный диалогизм и полностью изъять из сознания синтез, то эти общества будут корчиться и умирать.

Итак, экспериментатору нужно убедить жертву в том, что она должна диалогизировать свое сознание. Ибо иначе она проблеме не решит. Да и вообще, монолог — это плохо («мизерно», как говаривал герой Достоевского). А диалог — это хорошо. А как диалогизировать сознание? Его надо лишить целостности. Целостность надо обозвать монолитностью. И сказать, что монолитность — это ужасно. «Какой вы мизерный, батенька! У вас грубое, монолитное сознание!» А нужно обзавестись другим.

Позвольте, а разве целостность — это всегда грубый монолог? Разве не может быть тонкой, сложно организованной целостности? Уравнивание целостности и грубой монолитности — это мошеннический прием. Предположим, что вы клюнули на него — что дальше?

А дальше вам говорят, что монолитность сознания надо изъять во имя диалогизма. Вам вот так красиво формулируют предложение. А если сформулировать его без мошеннических прикрас, то вам предлагают просто расщепить сознание. Но если вам скажут: «Превратите монолитное сознание в расщепленное», — вы откажетесь. А если вам скажут: «Превратите монологичное сознание в диалогичное», — вы с радостью согласитесь. Между тем, это одно и то же предложение, упакованное в разные словеса.

Итак, вам предлагают шизофренизировать сознание, называя это диалогизацией. Как, наверное, догадывается читатель, больше всего меня здесь интересует обществен-

ное сознание, которому объявлена информационно-психологическая война, упакованная в изящную оболочку диалогизации. Впрочем, и когда такие фокусы проделываются с отдельным сознанием — дело дрянное. Перечитайте «Записки из подполья» Достоевского и ощутите, что такое шизофренизация сознания под видом его диалогизации.

Вот только не надо интерпретировать мои рассуждения как огульные поношения диалогизации сознания. Повторяю: диалогизация сознания — это очень сильное и опасное средство. Но для того, чтобы оно не погубило, а спасло, подарило открытие, ответ на мучительный вопрос, принципиально новую мысль, в нем должен присутствовать... код целостности... ген целостности... В общем, целостное начало. Если же это целостное начало изъято — тогда конец. Тогда диалогизация сознания превращается в уничтожение этого сознания — крайне беспощадное средство ведения информационно-психологической войны.

Бахтин консультировал Андропова. А Кристева — кого консультировала она? Если верить многочисленным свидетельствам, продавала она на западном, еще точнее — французском рынке свою ненависть к тому, что покинула... скажем так, к советской Болгарии. Могла ли она при этом не взаимодействовать с Константином Мельником — тем самым, который работал на разрушение Красной Церкви в СССР? Могла ли она не взаимодействовать с Раймоном Ароном?

Мне скажут, что Мельник и Арон — это правое поле, а Кристева была левой — и марксисткой, и маоисткой, и много кем... Ну, и что? И маоисты, и краснобригадовцы, и многие другие были активно задействованы для разрушения советского жизнеустройства. Запрос во Францию на знание тонкой структуры советского жизнеустройства, на подрыв этой структуры как структуры квазицерковной мог исходить только от очень узкого круга людей. И во Франции эти люди замыкались на Арона и Мельника. Монополизировав эту тему, они монополизировали и коммуникации.

И что же получается? Что по одну сторону железного занавеса — Бахтин, вмонтированный в андроповскую систему, а по другую сторону железного занавеса — Кристева, вмонтированная в систему, окормляемую, скажем так, «кругом Мельника-Арона». Между Бахтиным и Кристевой — некий мост. А между Андроповым и Мельником с Ароном — тоже?

Константин Мельник как-то рассказал в интервью, что когда он впервые встретился с Леонидом Шебаршиным (которого он характеризует как «одно из самых блестящих разведчиков»), то сразу же по фотографиям узнал его. А Шебаршин, узнав, в свою очередь, Мельника, тут же сообщил ему: «Я вчера читал книгу вашего прадеда С. П. Боткина о русско-турецкой войне в 70-х годах». А когда Мельник поинтересовался, почему он читает такие книги, сказал: «Потому что я читаю книги до русского несчастья». Заинтригованный Мельник уточнил, а когда же начинается русское несчастье? «И — что удивительно для начальника КГБ — он мне ответил: «17-й год».

И это говорит руководитель советской разведки? Член парткома, борец с «чужовищиным Западом», подчиненные которого шли на предельный риск во имя коммунистической идеи? Сознание — сломано. Использовались ли в этом конкретном случае рецепты Бахтина и Кристевой, не знаю. Но то, что данный слом адресует нас к любимому Бахтиным Достоевскому с его диалогизацией сознания — это точно. Фраза Шебаршина вполне достойна «подпольного человека» Достоевского.

Впрочем, таких отдельных эпизодов недостаточно для существования дела. Устройство упомянутого нами моста мы обсудим детально в следующих статьях.

Анна Кудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Являясь частью нового, очень тонкого и нетривиального общества, советская армия выдержала удары противника, реально обладающего многократным преимуществом. А советское общество включило такой потенциал, который создал и военно-промышленное, и военное чудо

Доктрина Великой войны. Анатомия агрессии

В русском лагере для немецких военнопленных на стене висит политическая карта.

Немецкий солдат подходит к ней и спрашивает:

— Что это такое маленькое коричневое в центре Европы?

— Это наша Германия.

— А вот это огромное розовое до Тихого океана?

— Это Советский Союз.

— А фюрер видел эту карту, когда посылал нас сюда?

Немецкий анекдот 1946 года.

Следуя линии на последовательное и более или менее хронологическое описание хода Великой Отечественной войны, я намеревался в этой статье перейти к анализу драматической Московской битвы. Но перечитав предыдущие статьи (а также получив на них несколько откликов), понял, что надо сделать остановку. Для того чтобы еще раз проговорить, как была устроена немецкая военная машина, почему она побеждала всех, с кем сталкивалась, — кроме Красной Армии.

Немцы разработали стратегию блицкрига («план Шлиффена») для Первой мировой войны. Согласно плану, Франция предполагалось захватить за полтора–два месяца, и тут же переключиться на Россию. Этим Германия избегала затяжной войны на два фронта, в которой она неминуемо проигрывала.

Однако произошло именно то, чего немцы опасались больше всего — французские и бельгийские войска выдержали первый натиск и навязали немецкой армии траншейную войну. Русская армия в это же время совершила стремительное наступление на Восточную Пруссию. Итогом стала война на два фронта.

То есть в Первую мировую стратегия блицкрига не выдержала испытания практикой или, точнее, не смогла себя показать. Однако новая мировая война дала еще один шанс — и уж Францию, во всяком случае, немцы сокрушили в полном соответствии со всеми его правилами.

Конечно, за годы между двумя войнами серьезно улучшилась военная техника, возросли возможности тылового обеспечения (появились мощные грузовые автомобили, заправщики и многое другое). Именно поэтому среди западных военных историков распространилось мнение о преимуществе немцев в бронетехнике, боевой авиации и другом вооружении современной маневренной войны. На самом деле можно уверенно утверждать, что во Второй мировой войне решающее преимущество вермахту дала именно военная доктрина, а не технологии.

С конца 1920-х годов немецкие стратеги упорно искали новую тактику, чтобы снова не попасть в безвыходную ситуацию вязкой позиционной войны 1914–1918 годов. В этом им, помимо всего прочего, помог Шарль де Голль, тогда еще полковник, который в изданной в 1934 г. книге «Vers l'armée de métier» («Профессиональная армия») предложил сделать основной упор на мобильные моторизованные части. Вместо наступающих пехотных колонн, с трудом преодолевающих 15–20 км в день, вместо артиллерийской перестрелки противоборствующих армий, от которой приходится зарываться в землю как котам, вместо неподвижной линии фронта — скоростной бросок на 100 и более километров, окружение и разгром лишенных коммуникаций, тылов и подвоза боеприпасов армий противника.

Немецкие военные, тщательно проработав общую стратегию де Голя, успешно применили ее как раз для разгрома Фран-

ции. Среди наиболее известных теоретиков танковой войны вермахта были Гейнц Гудериан (один из создателей танковых войск как отдельного рода) и Эрвин Роммель, подчеркивавший важность прорыва и выхода в тыл противнику на предельно возможной скорости и с использованием фактора внезапности.

В результате сложилась стратегия молниеносных действий, ключом к которой была тактика прорыва мощными танковыми дивизиями («сжатый кулак, а не раскрытой ладонью») в тесной координации с воздушной поддержкой. Координация достигалась благодаря использованию превосходной радиосвязи.

В немецком Генштабе и среди офицерского состава вермахта считалось неоспоримым, что скорость важнее численного преимущества, что выигрыш времени важнее обороны, что поддержание максимально высокого темпа дороже, чем осада и взятие укрепленных пунктов.

Технологически операции блицкрига проходили так.

Сначала в тылу противника разворачивалась подрывная деятельность пятая колонна, собирая разведывательные данные, дезорганизуя действия тыловых служб, нарушая линии связи и т.д. Одновременно в тыл массово забрасывались тактические воздушные десанты и диверсионные отряды, прорывались группы автоматчиков.

Затем люфтваффе наносило массивные бомбовые удары, уничтожая военно-воздушные силы противника еще на аэродромах и в ангарах, выводил из строя коммуникации, транспортные и железнодорожные узлы, склады вооружений и горючесмазочных материалов. Самолеты шли волна за волной, с воем сирен и специальных усилителей шума. Затем наносились бомбовые удары по скоплениям войск противника.

И только после этого в бой вводились мобильные подразделения — моторизованная пехота, легкие танки (обладающие наибольшей скоростью и максимальным моторесурсом) и самоходная артиллерия. Вслед за ними в атаку шли тяжелые танковые подразделения. И только в конце при поддержке полевой артиллерии в бой шла регулярная пехота.

Все это сопровождалось массовой (порой беспорядочной) стрельбой, психическими атаками мотопехоты и танков, ударами авиации по любому скоплению людей. Расчет был простой — вызвать растерянность и панику, ощущение, что враг везде вокруг, что обороняться бесполезно.

В ходе французской кампании в целом французы дрались довольно упорно, но были эпизоды, когда французские командиры настолько поддавались панике, что, получив отрывочные сведения о форсировании реки немецкими танками, в растерянности отводили свои войска. Паника действовала и на французских солдат в такой степени, что командиры не могли их остановить

и были вынуждены «подчиниться ситуации», т.е. беспорядочно бежать вместе с ними.

Танковая дивизия была основной ударной единицей немецкого блицкрига. Она почти никогда не наступала на обороняющегося противника в лоб: либо в стыки между оборонительными линиями (их находила разведка, в основном, воздушная), либо в обход. Через разрывы и промежутки в обороне наступающие танковые подразделения быстро обходили опорные пункты и узлы сопротивления, блокировали или окружали их. Если по каким-то причинам не срабатывала разведка, танковые подразделения самостоятельно, как свора гончих, «прощупывали» оборону противника, ища любые слабые места. И как только такое место бывало найдено, танковая дивизия мгновенно перестраивалась и устремлялась в прорыв.

Тактика действий была достаточно разнообразной. Использовался великий тактический принцип, открытый еще древнегреческим стратегом Эпаминондом — неравномерное распределение сил по всему фронту. Это делалось, чтобы в случае необходимости войска можно было быстро сосредоточить на направлении главного удара.

Обязательным было комбинированное применение двух–трех родов войск: танков и артиллерии, танков и авиации, танков, авиации и пехоты.

Тактические приемы, использованные еще Ганнибалом против римской армии в сражении при Каннах, получили в блицкриге стратегическое развитие. Сильные фланги при относительно слабом центре позволяли охватывать боевые порядки обороняющейся армии, окружать ее и затем при помощи подошедшей пехоты уничтожать.

Правилом также было выделение резерва, который мог быть направлен на любой участок, где грозил прорыв. В ходе блицкрига резерв стал не только важным средством решения исхода боя, но и тем источником, где можно было черпать людей и технику для продолжения безостановочного наступления.

И, конечно, классикой блицкрига была тактика внезапных молниеносных ударов, глубоких танковых клиньев. С помощью этих и сходных тактических приемов вермахт неизменно одерживал победы в предыдущих кампаниях. Ставка делалась на силу огня и брони, на мощь ударов с воздуха.

Я рассматриваю все эти важнейшие подробности для того, чтобы вновь подчеркнуть общий тезис. Когда специалисты, сравнивая потенциалы двух армий, сопоставляют только количество боевой силы и техники, они существенно образуют недоговаривают. Споры нет, это важно. Но еще важнее, как задействуются живая сила и техника.

Если вы научились почти одновременно вводить на главных направлениях стратегического удара всю имеющуюся у вас живую силу и технику, а ваш противник вводит ее по частям, то — при равном количестве боевой силы и техники — вы имеете двух-, а то и трехкратное преимущество.

Если ваш организационный и кадровый потенциал — при равном количестве боевой силы и техники — втрое больше, чем у противника, то ваше преимущество становится десятикратным.

А если вдобавок вы задействуете совсем новые принципы, сочетая эту новизну с высоким уровнем организационной готовности личного состава, его профессионализмом, его детальной технической оснащенностью, то ваше преимущество становится многократным.

А если учесть, что ваш противник из оправданных политических соображений боится отомобилизоваться, а ваша мобилизация идет на всю катушку, то...

Словом, когда приходится читать о некоем исходном равенстве сил у нас и у немцев, то тут уместно процитировать Грибоедова: «Я правду о тебе порасскажу такую, / Что хуже всякой лжи...»

Правда о равенстве в живой силе и технике — это правда, которая хуже всякой лжи. Потому что эта правда основана на тупой оценке количества живой силы и техники.

А нужны тонкие оценки, в которых будет и качество живой силы и техники, их динамический потенциал, их квалификационные характеристики, и способность армии отомобилизоваться, предопределенная политикой, и временной параметр и многое другое.

С учетом этих тонких оценок придется признать, что немцы обладали реальной возможностью уничтожить нас за шесть месяцев. И что в том, что они нас не уничтожили, есть не закономерность, а великое чудо. Конечно же — рукотворное чудо, связанное с невиданной способностью советской системы к мобилизации, а советского общества — к принесению беспримерных жертв на алтарь победы.

Ни эту жертвенность, ни эту способность к мобилизации, ни эти организационные механизмы немцы не учли. А ведь все это взялось не из воздуха. Оно было наработано мучительным трудом, умом и подвижничеством в период с 1917 по 1941 годы.

Советская Россия училась по-новому работать, по-новому мобилизоваться и организовываться, по-новому любить страну и общенародные завоевания. И все это новое удалось сочетать с традиционным, извечно присущим народу, культуре, социуму.

Став индустриальным, советское общество не потеряло традиционность. И за счет этого обрело неслыханный потенциал. Гитлеровские аналитики не совершили грубых ошибок в оценке потенциала советской армии. Но гитлеровские советологи полностью провалились при анализе потенциала советского общества. А гитлеровские стратеги так и не поняли, что фраза «Народ и армия едины!» не пустые слова. Что речь идет о тончайшем синтезе, наработанном в советскую эпоху и воплощавшем в себе то лучшее, что существовало в эпоху досоветскую.

Являясь частью нового, очень тонкого и нетривиального общества (которое оценщики свели к банальным выжимкам из коммунистического догмата и банальной белогвардейской клеветы), советская армия выдержала удары противника, реально обладающего многократным преимуществом. А советское общество включило такой потенциал, который создал и военно-промышленное, и военное чудо.

Отдельный вопрос — о сопоставлении духовных потенциалов двух армий — фашистской и советской.

Сводить духовный потенциал фашистской армии к элементарному немецкому националистическому подъему, помноженному на страх перед гитлеровской карательной машиной, — значит совершить грубейшую ошибку.

Еще раз хочу подчеркнуть, что эта ошибка основана на совершенно неверном представлении о Гитлере и его окружении. Расхожие штампы о «бесноватом фюрере» и его тупых соратниках не позволяют увидеть масштаб и трагизм ситуации, выявить ее историческую специфику, понять ее беспрецедентность.

В самой сердцевине этой ошибки находится представление о неталантливости, а точнее даже — негениальности абсолютного зла. Рассуждение, чаще всего, неясное, но иногда и достаточно отчетливо, строится таким образом: «Гитлер — это абсолютное зло! А раз это абсолютное зло, то оно должно быть лишено гениальности, ибо, как сказал Пушкин, «гений и злодейство — две вещи несовместны». А раз так, то либо — либо! Либо он не злодей и гений (и это неофашистская версия, версия наших врагов). Либо он злодей и тогда не гений.

Вот и все! Это принцип. И рамка, которую этот принцип с неизбежностью порождает, в том, что фюрер может быть только бесноватым, а его нацистские соратники — только тупыми мясниками. Кроме того, это и советский подход, наследниками которого мы являемся. Так что за работу, товарищи историки!

Об ошибочности такого подхода — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

РЕАЛЬНАЯ РОССИЯ

При таком отношении к сложившейся при советской власти системе образования, основное направление реформы может быть только одно — разрушительное. Именно его мы и наблюдаем

Аристократы дельфиньего духа

Белоленточные «дельфины» нашли себе новое «дело». Они заняты тем, что выискивают плагиат в диссертациях чиновников, депутатов, членов «Единой России», находят его и потом громко и долго возмущаются с криками «Доколе!». Причем ищет плагиат (то есть делает хоть какую-то работу), понятное дело, сугубое меньшинство, а подавляющее большинство — копипастит их находки во всех соцсетях и подконтрольных СМИ (полагая, видимо, что нажатие кнопки «репост» — это их неограниченный вклад в смертельную борьбу с «кровавым режимом»).

Казалось бы, дело хорошее. Почему, действительно, не вывести на чистую воду всех этих липовых «кандидатов в доктора»? Тем более что и в самом деле, что-то развелось их в последнее время видимо-невидимо. И нет никаких сомнений, что большая часть их диссертаций — липа, состряпанная исключительно с целью получения более высокого статуса. Но что-то мешает радоваться тому, что, дескать, белоленточники занялись, наконец, чем-то полезным. Это «что-то» включает несколько моментов.

И первый из этих моментов — да простят нас коллеги — удивление по поводу предмета возмущения «борцов против плагиата». Плагиат ведь — это банальное воровство, присвоение себе чужого (на либеральном языке это называется «приватизация»). Этим, как все знают, у нас занимаются (или хотя бы занимаются) многие, и либералы-белоленточники — в первых рядах. Причем ~~тырят~~ приватизируют все подряд, что под руку попадет: деньги, вещи, заводы-пароходы, славу отцов и дедов, историческую память, идеалы и ценности (не только материальные, но и духовные). Спрашивается, почему украсть у населения триллион рублей, совокупно накопленных на капитальный ремонт жилья, — это хорошо и правильно, а украсть страницу текста у какого-то никому не известного человека — это ужас-ужас-ужас? Почему украсть у людей бесплатное качественное образование и такую же медицину, заменив их дорогущими подделками под образование и медицину — это достойно, а списать у кого-то пару-тройку страничек — нет? Почему украсть чужих детей и потом продать их за границу (как это делают ювенальщики) — это честно и законно, а выдать чужую диссертацию за свою — нечестно и незаконно? Почему украсть деньги под видом оплаты за услуги ЖКХ — это нормально, а украсть диссертацию — преступление? Почему приватизировать (то есть опять же украсть) советские НИИ и потом торговать ~~креденим~~ наработками сотен советских ученых за границей — это «просто бизнес», а приватизировать чей-то персональный научный труд — это моральное падение? Как-то не просматривается во всем этом логики.

Но это только на первый взгляд. А на второй все становится понятно. Потому как воровать можно и должно — у анчоусов. А вот у своих — креативных — нельзя. Самое смешное, что уже найдены случаи плагиата, так сказать, второго и третьего порядка — когда диссертация списана с другой диссертации, которая, в свою очередь, тоже списана с другой, которая... тоже не написана самостоятельно, а бодро, с чувством собственного достоинства приватизирована у кого-то. И ведь все эти «научные труды» — это «креатив» дельфинов (потому как кто у нас пишет диссертации? — не анчоусы же!). А у дельфинов воровать нельзя! — можно только у анчоусов.

Думаете, мы передергиваем? Ничего подобного! Мы просто обнаружили тут одну книжку и идейно подковались. Вооружи-

лись, так сказать, современным знанием. Книжка — аж 2007 г. То есть написана задолго то всяких Болотных и Сахарова. Однако дельфины к нам приплыли оттуда. Называется книжка «Постчеловечество». На обложке крупными буквами (крупнее, чем название) написано: «Под научной редакцией М. Ходорковского» (напоминаем: М. Ходорковский с 2003 г. находится в заключении, то есть он оттуда «научно редактировал»). В предисловии научный редактор пишет о возникающем глобальном «новом неравенстве». Которое имеет не социальную, а биологическую природу: оно возникает между людьми, способными и неспособными к творческому труду (угадайте с трех раз — кто «равнее»?). В информационном обществе, дескать, только творческие способности особо востребованы. И неравенство теперь — между теми, кто наделен ими, и теми, кто обделен. Первые — вырабатывают смыслы, идеи, проекты, а вторые — «только» воплощают их в жизнь. Первые право имеют, вторые — твари дрожащие. В общем, дельфины и анчоусы (до этой прогрессивной терминологии авторы книжки не додумались, но теория-то живая — последователи постарались).

В книжке этой есть большая статья В. Иноземцева. Когда его представляют в наших СМИ, то лепят из него большого ученого. Выглядит это примерно так: «Владислав Иноземцев — известный экономист, доктор экономических наук. Основатель и научный руководитель автономной некоммерческой организации «Центр исследований постиндустриального общества» (Москва). С 2003 года — главный редактор журнала «Свободная мысль», с 2002 года по начало 2006 года — председатель научно-консультационного совета журнала «Россия в глобальной политике». Автор более 300 печатных работ, опубликованных в России, Франции, Великобритании, США и Китае, в том числе — автор 13 монографий, четыре из которых переведены на английский, французский, японский и китайский языки». И вот этот большой ученый — под научным руководством М. Ходорковского — написал статью «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века», которая, по сути, может быть охарактеризована как манифест дельфинов нашего времени.

Не можем сказать, что «научная часть» статьи, ее аргументация производит хоть какое-то впечатление. Скорее, наоборот. Однако разбирать мы ее сейчас не будем: в данной статье для нас важны всего несколько моментов.

Во-первых, в статье провозглашается, что новым господствующим классом, о котором так долго говорили ~~большевики~~ грезил либералы, будет креативный класс, то есть они сами: «главным объектом собственности, дающим представителям этого нового класса основания занимать доминирующие позиции в обществе, являются ... информация и знания, которыми обладают конфликтные люди... Эта страсть ... не есть аристократия, хотя представители этого нового класса в большинстве случаев оказываются выходцами из состоятельных слоев общества и имеют целый ряд серьезных сближающих их черт».

Во-вторых, объясняется, что господствовать они будут совсем не потому, что креативные такие, а потому что они уже находятся сверху пирамиды: «влияние данной группы определяется прежде всего ее доминирующим положением в соответствующих социальных иерархиях — бизнесе, армии, политических институтах, научных учреждениях; при таком подходе правительственная

бюрократия, профессиональные и академические эксперты и техноструктура, то есть лица, так или иначе причастные к управлению и стоящие у начала информационных потоков... В силу переплетенности различных социальных институтов попасть в класс ... можно отнюдь не только на основе способности человека усваивать информацию и генерировать новое знание...»

В-третьих, констатируется, что с приходом этого креативного класса к господству над обществом о такой демократической ценности, как равенство, можно будет забыть: «новое общество может стать — и de facto становится — менее эгалитаристским... складывающееся ... социальное устройство может быть только пародией на демократию...»

Наконец, главное — постулируется, что способности, определяющие попадание человека в ряды господствующего класса дельфинов, — генетически заданные: «принадлежность к новому высшему классу определяется способностями: человек относится к управленческой или научной элите прежде всего из-за наличия у него таланта к усвоению информации и превращению ее в новое знание. Однако очевидно, что ... эта способность не может быть приобретена ни мгновенно, ни в ограниченные сроки, а в определенной мере заложена на генетическом уровне... Таким образом, по мере того, как новый высший класс будет вбирать в себя особо достойных представителей иных слоев общества, потенциал оставшихся будет снижаться... Имеются веские основания предположить, что общество XXI века будет жестко поляризованной классовой структурой, которая вызовет к жизни противоречия более острые, нежели те, какими были отмечены предшествующие ступени общественной эволюции». Надо сказать, что по книжке порхают то тут, то там выражение «новая раса»... Новая раса!

Поскольку конфликт дельфинов и анчоусов неминуемо будет нарастать, то большое значение будет иметь позиция государства, которому дается следующий совет: «Мы полагаем, что выход из складывающейся в настоящее время ситуации может быть только эволюционным; государству следует обеспечить все условия для ускорения «революции интеллектуалов» и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями «низов», быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранным курсом, ибо только он ведет к выводу в конечном счете всем быстрому росту общественного богатства».

Ну, вы поняли? Поддержка «революции интеллектуалов» и жесткое следование избранным курсом! Это вот «жесткое следование» должно было, по всей видимости, произойти прошлой зимой. Но... сами знаете.

Вернемся к диссертациям. И заранее просим не обижаться всех тех, кто занимается наукой и пишет или уже защитил диссертации, — мы не о них; наш объект исследования — белоленточно-креативный класс, которого наука совершенно не интересуется, а волнуется только то, что какие-то анчоусы посягают на их бесценные творения. И это очень важно — во всей развернувшейся кампании по поискам плагиата ни разу никто ничего не сказал про науку и научную ценность хоть каких-то работ — неважно, списанных или оригинальных. Потому что для наших «оппозиционеров» диссертация — это только способ получения звания и корочки, о содержании никто и не вспоминает. А звание и корочки — это своего рода пропуск в креативную элиту, или хотя бы к ней в пред-

банник. Именно поэтому они так и ~~истерят~~ разволновались: к ним в предбанник залезли чужие.

Итак, как явствует из изложенного выше манифеста «новой расы», диссертации — это продукт жизнедеятельности начинающих дельфинов и одновременно — доказательство наличия у них «таланта к усвоению информации и превращению ее в новое знание». Наряду с айпадами, айфонами, норковыми шубками и пр. атрибутами «настоящих людей». И конечно, не дело, если кто-то будет защищать диссертации «на халяву!» Это все равно что покупать титул — фу! Как можно!

Мы понимаем эти дельфиньи страдания. Но разделить их не можем. Потому что находимся в плену пережитков и считаем, что должна быть справедливость, и раз можно воровать у граждан чувство человеческого достоинства — то можно и у дельфинов диссертации.

А еще — за науку обидно. Потому что большинство диссертаций, о которых идет речь — и более сворованные, и менее сворованные, — это какое-то издевательство над наукой. В единственном (который удалось найти в сети) отзыве об этой кампании про плагиат, в котором хоть как-то обсуждалось содержание диссертаций, можно прочесть следующее: «Вот сейчас в блогах живая тема: воровство диссертаций и плагиат. Да, наверно плохо списывать, точнее неэтично, но давайте обратимся к первоисточникам. Вот диссертация, с нее позаимствовала материал некий депутат. Зеленский Юрий Борисович. «Механизм стимулирования инвестиций в промышленное производство», 1998 г.

Человек защитился, а смысл? Помните 1998-й? Было промышленное производство в 98-м? Или это были сопли? И в чем новизна? Да и вообще, в чем практическое применение? ... То, что я сейчас встречаю в верхах крупных компаний не на порядок ниже [советских выпускников МГУ, которых автор ругает], а даже не знаю, как охарактеризовать. Зато много кандидатов и докторов наук, только науки-то в этом никакой нет и смысла нет».

Но может быть, мы чего-то недоуваем? И такие бессмысленные диссертации защищают только чиновники, депутаты и члены «Единой России»? А настоящий креативный класс — защищает настоящие диссертации?

Что ж, давайте проверим. Заодно составим себе представление о его (креативного класса) интеллектуальном и ином потенциале.

Для исследования мы выбрали диссертации, защищенные в последние годы в «Высшей школе экономики». Во-первых, потому что этот вуз — настоящий питомник креаклов: согласно социологическим исследованиям, на Болотной и Сахарова было огромное количество и студентов, и преподавателей «Высшей школы экономики».

Во-вторых, потому что «Высшая школа экономики» — это новый вуз, появившийся уже после перестройки и при этом сознательно позиционирующий себя как прогрессивно-либеральный: его бессменным научным руководителем (и одновременно президентом фонда «Либеральная миссия») является один из отцов перестройки Е. Г. Ясин, бывший министром экономики РФ в 1994–97 гг.; президентом ВШЭ является А. Н. Шохин — многократный вице-премьер в правительствах при Ельцине, вице-спикер Думы, член руководящих органов партий (последовательно) «Наш дом — Россия» и «Единая Россия»; а ректором трудится Я. И. Кузьминов, о котором стоит сказать отдельно.

РЕАЛЬНАЯ РОССИЯ

В 1994 году Я. И. Кузьминов вошел в рабочую группу, готовящую программу Правительства России, в 1999–2000 гг. участвовал в подготовке так называемой программы Грета. Начиная с 2000 года, входит в состав ряда Президентских и Правительственных комиссий, в 2000–2007 гг. член Коллегии Министерства экономического развития и торговли России.

В настоящее время Я. И. Кузьминов является:

- членом Комиссии по вопросам совершенствования государственного управления при Президенте Российской Федерации
- членом Правительственной комиссии по повышению результативности бюджетных расходов;
- членом Правительственной комиссии по проведению административной реформы;
- руководителем Рабочей группы по подготовке предложений по разработке административных регламентов федеральных органов исполнительной власти;
- членом Правительственной Комиссии по подготовке управленческих кадров;
- руководителем экспертной группы «Рынок труда, профессиональное образование, миграционная политика» по подготовке концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (Стратегия-2020).

Я.Кузьминов

Как всякий может убедиться, все комиссии, в которые входит ректор ВШЭ, «блестяще» справились с поставленными перед ними задачами: государственное управление усовершенствовано по самое не могу, бюджетные расходы исключительно результативны, административная реформа все ведется и ведется, управленческих кадров наготовили таких, что мама не горюй... В общем, блестящий либеральный экономист и управленец.

А еще (по совместительству) Я. И. Кузьминов женат на Э. С. Набиуллиной, экс-министре экономического развития и будущего главы ЦБ.

Так вот, главное дело жизни Я. И. Кузьминова — это реформирование образования. Его не без оснований считают главным идеологом «реформ» по ликвидации всеобщей грамотности в стране». Неудивительно, что именно он возглавляет главный постсоветский вуз, получающий многомиллиардное финансирование из бюджета страны.

Взгляды Кузьминова на образование подлинно либеральные. Вот что пишет журналистка Виктория Соколова в статье газеты «Совершенно секретно» в 2011 г.: «В 2004 году г-н Кузьминов представляет на обсуждение ... фундаментальный доклад о совершенствовании структуры образования в России (документ был направлен Президенту России Владимиру Путину).

В докладе говорилось ни больше ни меньше — о необходимости реструктуризации всей системы российского образования. Три важнейших принципа образования — всеобщность, бесплатность и фундаментальность — подвергались полному пересмотру как нерентабельные.

По мнению г-на Кузьминова, вышло, что страна у нас слишком образованная. Где

это видано — «в нищей России учится 98,6% подростков в возрасте 16 лет, на среднее образование тратится больше, чем на высшее! Специалисты с высшим образованием — также переизбыток... А сколько средств осядет на программах ПТУ?..

Деньги государства, по мнению г-на Кузьминова, уходят сквозь пальцы: содержание и питание детей в детских садах, содержание воспитанников профтехучилищ, поддержание малокомплектных сельских школ... Отдельный возмутительный факт — стандарт не позволяет школам России предоставлять платные образовательные услуги за пределами учебного плана. Всё это следует в корне переменить».

Кажется, все ясно. Очевидно, что при таком отношении к сложившейся при советской власти системе образования, основное направление реформы может быть только одно — разрушительное. Именно его мы и наблюдаем. При этом разрушение идет по всем направлениям и с такой скоростью, что совершенно дезориентирует даже заинтересованных наблюдателей. Приведем еще одну цитату из «Совершенно секретно»:

«Подминающая под себя всех и вся лавина преобразований, за которыми сегодня трудно уследить даже более или менее компетентному человеку, уничтожает массовое высшее образование, всеобщее среднее образование, в принципе лишает основную массу населения России права на образование, что уж говорить о его качестве...

Е.Ясин

Происходит тихая и бескровная революция: направляемое «серыми кардиналами» [имеются в виду Кузьминов и Набиуллина] ведомство устраняет от управления образованием государство и общество. И в результате этой «модернизации» последней, возможно, будет окончательно и безнадежно разделено на «быдло» и выпускников «Наивысшей школы экономики». Вот именно! Именно! Как раз деление граждан на «быдло», то есть «анчоусов», и креативный класс, то есть «дельфинов», — это есть главная задача реформы образования имени Кузьминова. То есть, по сути, его деятельность направлена на введение в России дискриминационной модели образования, при которой как раз и будет формироваться та самая «новая раса» господ, о которой писалось в книжке под научным руководством Ходорковского.

По чертежам Кузьминова будет построена система, в которой доступ в элиту будут получать только обладатели дорогостоящих и недоступных большинству дипломов престижных вузов. Причем дипломы они будут получать вне зависимости от образованности. (По стечению обстоятельств, мы оба были знакомы с несколькими журналистами-выпускниками «Высшей школы экономики», причем недавними выпускниками. Ну что сказать... Более неграмотных (и в смысле правил русского языка, и в общем смысле — элементарных знаний по истории, географии и пр.) людей мы не встречали. Честно говоря, нам было даже непонятно, как они при таком уровне знаний могли поступить в вуз.)

А что же диссертации, которые защищают в ВШЭ? Что ж, исследовать их оказалось очень интересно.

Сначала мы разделили диссертации на группы. Просмотрев на сайте ГУ ВШЭ диссертации, защищенные с 2009 по 2013 гг., мы,

во-первых, исключили из анализа диссертации по математике и программированию (в этих областях мы совсем не компетентны, поэтому ничего об их качестве сказать не можем);

во-вторых — разделили оставшиеся диссертации на 4 группы — в зависимости от основного смысла и содержания работы.

Первая, самая большая группа — диссертации, написанные для обслуживания интересов хозяев в широком смысле слова — «акульего» (странно, что в перепалке дельфинов и анчоусов, действующий правящий класс остался без своего звериного тотема (ну вот «акулы», например), хотя какая же прислуга будет в лицо обзывать хозяев? — разве что при увольнении.) крупного бизнеса, банков, предпринимателей, то есть господствующего (сейчас) класса. Вот несколько примеров подобных диссертаций, направленность которых ясна из названий: Щукина Л. Г. «Влияние корпоративных конфликтов на эффективность управления персоналом в России: на примере нефтяных компаний»; Киселева М. С. «Секьюритизация факторинговых активов»; Камротов М. В. «Режимы функционирования рынка валютной пары евро-доллар: подход на основе реконструкции динамических систем». В диссертациях этих излагается, как лучше спекулировать на рынке, как спасти

А.Шохин

коммерческие банки во время кризиса за счет бюджета, как, отдав на съедение ВТО целые отрасли экономики, бороться потом за увеличение доли России на рынке международных транспортных и информационных услуг с 1 до 2%, как мотивировать персонал работать за маленькие деньги или формировать у него лояльность к фирме (и хозяину). И все это — с дифференциальными уравнениями и изощренными математическими моделями, объясняется даже как «равновесно» делить прибыль между хозяином и фирмой, видимо это нужно понимать как «по-честному» или «по совести»)

Вторая группа состоит из диссертаций о том, чего на свете нет или есть только на бумаге: Бадулина Е. В. «Обеспечение конституционного права граждан на жилище органами местного самоуправления»; Безлепкин П. А. «Права потребителей как фактор регулирования предпринимательской деятельности»; Коргунок Ю. Г. «Становление партийной системы в современной России». Кто из вас, дорогие читатели, видели в природе «обеспечение права граждан на жилище», «права потребителей» или «партийную систему»? То-то! Этого всего (и многого другого) в реальной России нет, а в диссертациях ВШЭ — есть.

Третья группа — диссертации-кальки с иностранных исследований или, возможно, выполняющиеся в рамках международных проектов: Ермаков С. А. «Влияние курения на заработную плату»; Станковская Е. Б. «Структура и типы отношения женщины к себе в аспекте телесности». Именно с помощью этих исследований выполняются ВШЭ идеологические заказы иноземных интересов, проводится политика, часто враждебная интересам России.

И, наконец, четвертая группа — честные диссертации-триюзмы. Это диссертации, в которых с помощью иногда сложнейшего математического и статистического аппарата доказываются истины, которые известны в нашей стране всем, и по поводу которых нет никаких вопросов. Только об этой группе мы сможем рассказать кратко в этом выпуске. Остальное — в следующем номере.

Диссертации-триюзмы, хоть они и триюзмы, все-таки отличаются честностью, и поэтому часто вскрывают и глаголом жгут. Вот, например, кандидатская диссертация А. С. Камышева, защищенная в 2011 г. «Общественные выгоды и потери от дерегулирования российской электроэнергетики». В выводах диссертации констатируется: «Полученные количественные оценки показали, что (1) размер ежегодных безвозвратных потерь общественного благосостояния в 2007–2010 гг. составлял соответственно 46, 43, 11 и 23 млрд руб., (2) объем ежегодного перераспределения ресурсов от производителей к потребителям, связанного с наличием тарифного регулирования, в 2007–2010 гг. оценивался соответственно в 184, 197, 138 и 149 млрд руб. С переходом отрасли в 2011 г. на конкурентные принципы ценообразования общественное благосостояние должно возрасти на величину безвозвратных потерь. Однако при этом потребители лишатся ресурсов, ранее перераспределяемых им при тарифном регулировании, в пользу производителей. Результаты сравнительной индикативной оценки позволили говорить, что процессы, происходившие в ходе дерегулирования российской электроэнергетики в 2007–2010 гг., были по многим показателям сопряжены с негативным влиянием как на потребителей, так и на производителей электроэнергии».

С данными выводами не согласятся разве что авторы реформы А. Чубайс и М. Касьянов (именно им, по всей видимости, полностью или частично утекли «ежегодные безвозвратные потери общественного благосостояния в 2007–2010 гг. ... 46, 43, 11 и 23 млрд руб.»). Нет ни одного физического и юридического лица в России (включая детей), кто на своей шкуре не прочувствовал результаты этой реформы и не мог бы написать подобную диссертацию, если бы умел «начертить пару формул» и был настоящим дельфином. Хорошо, если бы эти выводы были процитированы в соответствующем отчете Счетной палаты.

Столь же честны и столь же тривиальны выводы диссертации Е. И. Борисовой «Анализ эффективности некоммерческих организаций в сфере жилищно-коммунального хозяйства», в которой речь идет о работе пресловутых ТСЖ. Автор приходит к неожиданным выводам: «Основными факторами эффективности ТСЖ выступают характеристики материального актива ТСЖ (дома) и специфический социальный капитал. Традиционный тип социального капитала способен объяснить лишь незначительную часть вариации оценок эффективности ТСЖ.

Важным для эффективности ТСЖ выступает качество работы правления. Однако оно требует «поддержки» в виде специфического социального капитала, в отсутствие которого качество управления ТСЖ резко падает. Таким образом, успех ТСЖ зависит от способности людей распорядиться предоставленными им возможностями нового института».

Под социальным капиталом автор понимает уровень доверия среди жильцов, навыки принятия групповых решений, добровольный труд жильцов по обслуживанию дома и компетентность руководителей ТСЖ. При наличии такого «социального капитала» ТСЖ с большей вероятностью работают эффективно, доказывает автор. Да кто бы сомневался! Понятно, что если в группе есть доверие, если люди не ссорятся и готовы вместе работать, то и они будут работать вместе эффективно. Стоило ли писать диссертацию? Но самое смешное, что такие выводы делаются на фоне бесконечных скандалов с ТСЖ, когда всерьез рассматривается вопрос об отмене ТСЖ как формы управления многоквартирным домом. То есть описанная автором ситуация в ТСЖ практически не встречается. А встречается обратная. Но о ней мы диссертации не нашли. Возможно, правда, это будет докторская.

Юлия Крижанская, Андрей Сверчков

СПЕЦВОЙНА

Возможно все. И тогда речь идет об убийстве, замаскированном под смерть от естественных причин. О таком «прогнесе» медицины нацистский доктор Менгеле мог бы только мечтать

Убийство или смерть?

5 марта 2013 года умер президент Венесуэлы Уго Рафаэл Чавес Фриас. В течение двух лет этот мужественный человек, не прекращая руководить Венесуэлой, боролся с тяжелым онкологическим заболеванием. В октябре 2012 года, несмотря на болезнь, Уго Чавес в очередной раз выиграл президентские выборы. Однако преодолеть болезнь Команданте, как звали его на родине, не смог. Оказались бессильны и лучшие врачи одной из лучших в мире (что признали и на Западе) кубинской медицины. По официальным данным, Чавес умер от обширного инфаркта, который произошел на фоне острой инфекции дыхательных путей и метастатического рака.

Смерть лидера Венесуэлы всколыхнула латиноамериканский мир. «Когда новость начала распространяться, — сообщила американская газета Foreign Policy, — в национальной телефонной системе произошел сбой, поскольку венесуэльцы стали звонить друзьям и родственникам, делясь с ними последними известиями». Сторонники Чавеса не понимают, почему бывший десантник, спортсмен, человек с «железным здоровьем» ушел так рано. Они заявляют о том, что их лидера намеренно заразили раком.

Первым о «заражении раком» еще в декабре 2011 года публично заявил сам Чавес. Летом 2011 года в Гаване он перенес первую операцию по удалению опухоли. «Фидель всегда говорил мне: «Чавес, будь осторожен. Эти люди развивают технологии. Следи за тем, что ешь, что тебе дают. Маленькая уголочка, и они могут ввести тебе всё что угодно, — говорил тогда Чавес. — Очень сложно объяснить, даже с помощью теории вероятности, то, что произошло с некоторыми из нас... Скажите, было бы это удивительным, если бы мы узнали о том, что США разрабатывали технологию заражения раком, которая держалась бы в секрете? Я никого не обвиняю, я просто рассуждаю о возможных причинах того, что мы все одновременно заболели раком».

Версии о «заражении» придерживается и официальный преемник Чавеса вице-президент Николас Мадуро. «У нас нет сомнений, — заявил он 6 марта на экстренном военном-политическом совещании в Каракасе. — Настанет благоприятный момент, когда будет создана медицинская комиссия, которая подтвердит атаку на нашего лидера. У нас имеются доказательства».

«Я почти уверен, что Чавес был отравлен, — поддержал венесуэльского коллегу 9 марта президент Боливии Эво Моралес. — У империи (США — М.Д.) есть все инструменты для того, чтобы планировать действия по свержению правителей, лидеров, социальных движений, выступающих против капитализма. Но когда одержать победу над ними не удастся, империя берет на себя задачу покончить с жизнью того или иного лидера».

Трудно объяснить, но заболевание, унесшее жизнь Чавеса, обнаружено сразу у нескольких латиноамериканских президентов.

Бразилия. В 2009 году злокачественная опухоль лимфатической системы (лимфома) диагностирована у президента Дилмы Руссеф. Ее предшественник, экс-президент Луис Инасиу Лула да Силва страдал раком горла.

Аргентина. 1 апреля 2009 года на 82-м году жизни от рака легких скончался «отец аргентинской демократии» экс-президент Рауль Альфонсин. 27 октября 2010 года от острой сердечной недостаточности умер другой экс-президент Нестор Киршнер. В течение нескольких лет он лечился от рака толстой кишки. 4 января 2012 года операцию по удалению злокачественной опухоли щитовидной железы перенесла вдова и преемница Киршнера, нынешний президент Кристина Фернандес де Киршнер.

Парагвай. В 2010 году такая же, как и у бразильского президента Дилмы Руссеф, форма онкологии обнаружена у парагвайского президента Фернандо Луго.

Боливия. В 2011 году рак носовой полости обнаружен у президента страны Эво Моралеса.

Колумбия. В 2012 году президенту Колумбии Хуану Мануэлю Сантосу Кальдеро-

ну врачи поставили диагноз — рак простаты на ранней стадии.

Куба. В июле 2006 года Фидель Кастро впервые за полувековую историю своего руководства страной был вынужден временно передать полномочия главы государства в связи с операцией на кишечнике. Западные СМИ по этому поводу долго смаковали версию об онкологическом заболевании у лидера кубинской революции.

Аналитики не устают удивляться одной характерной черте всех этих заболеваний. «...Заболели раком именно те лидеры континента, кто больше всего противился глобалистской политике США», — говорит историк, специалист по латиноамериканской проблематике Г. Коларов. И многие специалисты с ним солидарны.

Отметим, что США оперативно отреагировали на подозрения Уго Чавеса. В конце 2011 года официальный представитель госдепартамента США Виктория Нуланд выступила с соответствующим заявлением, назвав слова венесуэльского президента «ужасными и достойными порицания».

Не остались в стороне и противники Чавеса на родине. Свое «авторитетное» мнение, как сообщают некоторые интернет-сайты, высказал некий «модный венесуэльский диетолог, частый гость американского посольства». В развитии онкологии оказались виноваты сами президенты. Так, например, Чавес... «должен пенять на самого себя, поскольку живет вне гармонии с биоритмами, работает по ночам и к тому же неправильно питается, о чем свидетельствует его нездоровая полнота». Мысль эта, видимо, очень понравилась оппозиционным СМИ, которые тут же вынесли вердикт: «Чавес и его друзья подвержены стрессам, опасаются за свое будущее и потому страдают манией преследования, видя повсюду «заговоры Империи».

Между тем, многие мировые СМИ подозрения Чавеса и его сторонников в рукотворности «онкоэпидемии» восприняли вполне серьезно. Ведь история использования Пентагоном и ЦРУ радиоактивных веществ, биологического и химического оружия, способных вызывать онкологические заболевания, насчитывает не одно десятилетие. Не секрет, что на протяжении всего XX века «американский спецслужбистский след» прослеживался в десятках переворотов и смертях «неугодных лиц» в разных уголках земного шара. И Латинская Америка здесь едва ли не на первом месте. Отсюда и подозрения экспертов, утверждающих, что в плане создания смертельных технологий секретные лаборатории США сделали огромный шаг.

Неслучайно в то время, когда венесуэльский лидер боролся со страшным недугом, версию применения «новейших технологий» обсуждал всемирно известный сайт «WikiLeaks». «Современные технологии позволяют при наличии ДНК-кода вырабатывать онкоген человека», — утверждает «WikiLeaks». И есть все основания прислушаться к этой точке зрения, благо в информированности, согласитесь, этому источнику не отказать. По данным сайта, накануне выборов президента Парагвая в 2008 году

американское посольство в Асунсьоне получило задание завладеть ДНК-кодом четырех кандидатов в президенты. В том числе, и нынешнего президента Парагвая — Фернандо Луго. По понятным причинам, проверить информацию «WikiLeaks» невозможно. Но мы имеем дело с источником, который никак нельзя назвать «дымом без огня».

Зато другая история абсолютно достоверна. Речь идет о результатах расследования так называемой «комиссии Чёрча» под председательством сенатора-демократа Фрэнка Чёрча. Полное название органа: «Отдельная комиссия сената Соединенных Штатов по изучению правительственных операций в области разведывательной деятельности».

В 1975 году комиссия обнародовала доклад «Обвинения в заговорах с целью убийства деятелей иностранных государств», имевший эффект «разорвавшейся бомбы». В это время в США еще не утихли страсти вокруг «Уотергейтского дела», стоившего Р. Никсону его президентского кресла.

На восьми тысячах страницах этого объемного труда представлены доказательства участия конкретных ведомств США в политических убийствах (или попытках их совершения) нескольких иностранных лидеров.

Так, «комиссия Чёрча» установила, что только за период с 1960 по 1965 годы спецслужбы США подготовили восемь операций (всего их было 638) по ликвидации лидера Кубы Фиделя Кастро. И только случайности или оперативное реагирование кубинских спецслужб предотвратили трагедию. Как следует из доклада, предпринятые средства для устранения кубинского лидера отличались большим разнообразием. От аквалангов, зараженных бактериями туберкулеза, до взрывающихся сигар и т.п. Один из планов предполагал применение токсичных веществ, вызывающих онкологию. Например, планировалось засыпать в обувь Кастро препараты, содержащие соединения солей таллия.

Под давлением комиссии президент Дж. Форд, сменивший на этом посту Р. Никсона, издал Указ №11905 о запрете санкционированных убийств иностранных лидеров. Однако в 1981 году этот указ был отменен президентом Р. Рейганом.

Очередной раз о «комиссии Чёрча» (к тому времени она была распущена) вспомнили сразу после событий 11 сентября 2001 года. Администрация Дж. Буша-младшего обвинила комиссию «...в законодательном ограничении возможностей ЦРУ для ведения агентурной разведки». Что, как представляется, совсем не случайно. Напомним, что именно после «pipe eleven» США начали беспрецедентную экспансию, открыто вторглись на чужие территории и уничтожая «неугодных лидеров». И если можно было так разобрататься с Хусейном и Каддафи, то почему нельзя в высших целях использовать средства из рода тех, которые так доказательно описал господин Чёрч?

А в октябре 2010 года всплыла другая история, свидетельствующая о том, что США давно и упорно экспериментируют с биоматериалами, вызывающими тяжелые заболевания у людей.

В скандале, о котором идет речь, оказались замешаны военные, фармацевты, врачи, и... правительство США. Случилось это после того, как профессор Уэлсли-колледжа в Массачусетсе Сюзан Ревербай опубликовала статью об экспериментах над людьми на территории Гватемалы.

С подачи Ревербай широкой американской общественности стало известно, что с 1946 по 1948 годы с разрешения правительства Гватемалы в обмен на материальную помощь США проводили эксперименты в национальной тюрьме, армейских казармах и в национальной психиатрической лечебнице. В ходе экспериментов подопытных заражали сифилисом и гонореей, чтобы исследовать свойства пеницилина. Тогда заражению подверглось 1300 человек. 700 из них получали антибиотик, 600 — плацебо. В ходе экспериментов скончалось 83 человека. Что, согласитесь, само по себе выходит за рамки любой врачебной этики.

Но цинизм заключается еще и в том, что фактически в одно время с экспериментами в Гватемале в Нюрнберге шел процесс над двадцатью нацистскими врачами, которым инкриминировались бесчеловечные эксперименты над людьми. Официально процесс назывался «США против Карла Брандта».

В ходе расследования стало известно, что с 1941 по 1945 годы в нацистских концлагерях проводилась серия экспериментов над заключенными, во многих случаях заканчивавшихся смертью подопытных. В частности, в Аушвице и Равенсбрюке велись поиски эффективных методов стерилизации. Эксперименты проводились с помощью рентгена, хирургии и различных лекарственных средств. Применялись инъекции йода или нитрата серебра. Как следует из протоколов расследования, стерилизация перечисленными веществами была успешной, но привела к массе побочных эффектов. В том числе, к развитию рака шейки матки.

Итак, осенью 2010 года по поручению Б. Обамы президентская Комиссия по биоэтике провела расследование обстоятельств «гватемальского эксперимента». Комиссия признала, что «американские ученые, преднамеренно заразившие в исследовательских целях несколько тысяч гватемальцев возбудителями сифилиса и гонореи, знали о том, что они нарушают этические законы». Тогда же Б. Обама в телефонном разговоре принес извинения президенту Гватемалы Альвару Колому, подчеркнув, что действия американских ученых «идут вразрез с американскими ценностями».

В январе 2012 года адвокатская контора «Конрад энд Шерер», добивающаяся от правительства США компенсации для «тысяч пострадавших гватемальцев», сообщила об отказе властей Соединенных Штатов признать юридическую ответственность за эксперименты. По сообщению ИТАР-ТАСС, Минюст США внес в суд ходатайство о признании иммунитета ответчика по данному делу на том основании, что «весь ущерб наносился в иностранном государстве». Вот так! Напомним, что в это же самое время США старательно открещивались от подозрений Уго Чавеса в преднамеренном заражении его и других лидеров Латинской Америки онкологией.

Ведущие онкологи России уверяют, что «заразиться раком невозможно». Но уточняют: «Новейшие технологии в биохимии, микробиологии, вирусологии, физике дают возможность индуцировать у жертвы широкий спектр эффектов». А значит, возможно все. И использование токсичных веществ, которые невозможно дифференцировать в организме. И активирование вещества, вырабатываемого самим организмом человека и вызывающего фатальные изменения во всех его биологических подсистемах. В каждом случае исход может быть смертельным. И тогда речь идет об убийстве, замаскированном под смерть от естественных причин. О таком «прогнесе» медицины нацистский доктор Менгеле мог бы только мечтать.

Михаил Дмитриев

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Для теологов освобождения полноценный человек — это тот, кто может спасти душу, а спасение души завершается на небесах, но начинается в земной жизни со сражения за справедливое устройство общества

Война за обездоленных

В связи с избранием на папский престол аргентинского кардинала Хорхе Марио Бергольо в наших СМИ стали обсуждать биографию нового Папы и, в частности, его отношение к латиноамериканской теологии освобождения. Уже само упоминание у нас теологии освобождения — это прогресс. Но контекст, в котором оно появилось, — в каком-то смысле диагноз.

Теологию освобождения можно обсуждать в связи с политикой латиноамериканских левых. Но никак не в связи с избранием нового главы Ватикана. Между тем табу, наложенное на серьезное обсуждение доктрины, отнюдь не случайно.

Даже смутное представление о теологии освобождения рождает у наших «креативщиков» понимание, что это классово чуждое им явление. И именно поэтому теология освобождения практически не обсуждалась в период, когда Уго Чавес выполнял обязанности президента Венесуэлы, и не обсуждается в связи с его кончиной. Между тем, Чавес был одним из сторонников теологии освобождения. И именно ее положения, воплощенные им в жизнь, вызывают такую ярость и раздражение в капиталистическом мире. Раздражение, не позволяющее соблюсти хотя бы минимум приличий даже перед лицом смерти.

Вот что пишет Матвей Ганапольский в своем блоге на «Эхе Москвы» об Уго Чавесе 6 марта, то есть на следующий день после смерти лидера Венесуэлы: «Он некрасив, поэтому носить его на майках будут только дамы, мечтавшие не о его фаллосе, а о бесплатной социалке, которую он дарил. Это не Че Гевара, и даже не молодой Кастро...»

Он не был тираном, даже диктатором не был в классическом а la latinos понимании... Его правление типично для нефтяного лидера — он мог все свои нерыночные заморочки закидать деньгами от нефтянки, а когда плесб получает красивую игрушку, не платя из своего кармана, то глупость лидера трактуется плесбом как героизм — так у нас в народе будут трактоваться руины сочинской Олимпиады.

Чавес был простым нефтяным самодуром, так что все забывания о бесплатных школах, детских садах и прочих радостях при его правлении — это плач по дармовой нефти, крик которой могут направить в русло рыночной экономики».

Мы бы не стали приводить эту мерзкую цитату, если бы не одно обстоятельство. Чавеса принято воспринимать как экзальтированного политика. Чего стоит одно только его высказывание во время выступления на Генассамблее ООН о том, что Буш-младший — это дьявол, и дальнейшее уточнение — что после выступления Буша в воздухе остались запахи серы.

Высказывание, действительно, эмоциональное. Но не бессмысленное. Суть его заключается в том, что для последователей теологии освобождения капитализм — это «несправедливый, глубоко антихристианский строй, способствующий разрушению личности и созданию безблагодатных общественных структур».

Соответственно, глава США — державы, лидирующей в капиталистическом мире, — в глазах Чавеса, конечно, является дьяволом. Но в любом случае, кем бы ни был Буш-младший для Чавеса... Кем является сам Ганапольский, упивающийся грязью, бессмысленностью, пошлостью и отсутствием всякого уважения к народу, к смерти, к женщинам, в конце концов? Он ли не является мелким пакостным чертом? По канонам теологии освобождения, и Буш, и Ганапольский — яркие примеры личностей, разрушенных капитализмом.

Но вернемся к Чавесу. Венесуэльский лидер строил свою политику на двух важнейших явлениях народно-освободительной борьбы в Латинской Америке. Это война за независимость (во главе с Симоном Боливаром) и теология освобождения. Раз уж мы начали разговор с теологии освобождения, то продолжим его, сказав об основных положениях доктрины и о том, как их воплощал Чавес.

Теология освобождения начала зарождаться в Латинской Америке в середине 60-х годов XX века. Созданный в 1955 году в Бразилии Латиноамериканский епископальный совет старался повлиять на Второй Ватиканский собор (1962–1965 гг.) с целью сделать политику церкви более социально-ориентированной. Примерно в это же время возникает такое явление, как священники, «пошедшие в народ». Это были главным образом члены ордена иезуитов. И уже в 1971 году доктрина оформилась в книге профессора теологии Католического университета Лимы Густаво Гутьерреса «Теология освобождения. Перспективы».

Приверженцы теологии освобождения заявили, что настоящий грех — это угнетение, эксплуатация и бедность. Преодолеть греховность можно только в процессе социального и духовного освобождения человека. Причем социальное освобождение тут играет не менее важную роль, чем духовное, так как именно от социального освобождения во многом зависит и духовное освобождение.

В качестве примера можно привести слова венесуэльской женщины, сказанные российскому журналисту, бравшему в Каракасе интервью у тех, кто пришел попрощаться с Чавесом. «При Чавесе я смогла получить образование и теперь работаю в городской администрации. А раньше я могла работать только горничной или няней». Чтобы понять, насколько для таких женщин было важно получить образование и работать в городской администрации, а не «на нижнем этаже» сферы услуг, надо привести еще ряд принципов теологии освобождения.

Капитализм, как уже говорилось, был объявлен «теологами освобождения» антихристианским строем, а создание более совершенного строя — задачей каждого, так как «...вера без дел мертва». По этой доктрине, работа на благо общества — это богоугодное дело, поскольку она нацелена на то, чтобы исправить социальный строй, построить справедливое государство и, в пределе, — некое подобие Божьего царства на Земле.

Огромное значение для теологов освобождения приобретает история. История — это процесс спасения человека через освобождение. Путь к освобождению лежит через постоянную политическую борьбу. Сначала это борьба за социально-экономическое освобождение, потом за освобождение скрытого в человеке творческого потенциала и создание «нового человека». Густаво Гутьеррес: «Работая, преобразуя мир, порывая с порабощением, строя новое справедливое общество, выполняя свое назначение в истории, человек создает самого себя».

Одной из основных задач, вставших перед Уго Чавесом после прихода к власти, стал вывод жителей страны из нищеты. Нищета означает не только полуголодное существование, но и отсутствие возможности получить образование, а значит — отчужде-

ние от социальной и политической жизни, отсутствие возможности повлиять на свою судьбу, судьбу близких, судьбу своей страны. И в конечном счете, отсутствие возможности стать полноценным человеком.

Для теологов освобождения полноценный человек — это тот, кто может спасти душу, а спасение души завершается на небесах, но начинается в земной жизни со сражения за справедливое устройство общества. Таким образом, сражение за земную справедливость — это еще и борьба за спасение души. А как может бороться, освобождаться и, в конечном итоге, спастись человек, полностью «задушенный» капитализмом? Человек, все время которого уходит на поиски пропитания? Человек, для которого закрыты возможности получать знания, образование, профессию? Человек, превращенный капитализмом в недочеловека?

Какую страну принял Чавес, став в 1998 году президентом?

По официальной статистике, из 23 миллионов жителей страны 85% принадлежали к числу бедных или находились за чертой бедности. Безработица колебалась от 12 до 24%. 1,2 млн детей в возрасте от 5 до 17 лет не посещали школу.

Первоочередной задачей Чавеса стали меры, направленные на помощь самым обездоленным. В сентябре 1999 года был создан Единый социальный фонд, средства которого были использованы для строительства школ и медицинских учреждений для малоимущих. Был открыт Народный банк, предоставлявший льготные кредиты на покупку жилья малообеспеченным семьям и оказывающий помощь одиноким матерям.

В декабре 1999 года в Венесуэле на всенародном референдуме была одобрена новая Конституция. Страна получила название Боливарианская Республика Венесуэла. В конституцию вошел запрет на приватизацию государственной нефтяной компании PDVSA. В качестве основных прав человека — кроме обычных буржуазных прав вроде свободы слова — в Конституцию было добавлено право на трудоустройство, право на обеспечение жилплощадью и право на бесплатную медицину. Рабочая неделя сокращалась с 48 до 44 часов.

За годы своего президентства Чавес реализовал ряд крупнейших социальных программ. Так, при помощи кубинских врачей в Венесуэле была развернута программа помощи бедным слоям населения. Еще раз вернемся к опросам, проведенным в Каракасе в день похорон Чавеса: «У сына нашли болезнь сердца, нужна была операция стоимостью в миллионы боливаров. До Чавеса я бы никогда не накопила столько денег. Да и при нем не накопила — просто правительство оплатило его лечение». Чавес «на политическом уровне ввел понятие «человек с ограниченными возможностями». Раньше такого словосочетания в нашем законодательстве не существовало. А теперь мы можем устраиваться на работу, получать образование. Кроме того, власти выяснили адреса всех квартир, где живут «колясочники», и создали там условия для выхода на улицу...».

Осуществленная в Венесуэле программа по ликвидации неграмотности, разработанная с помощью кубинских специалистов, получила высокую оценку ЮНЕСКО.

В 2001 году была принята программа, направленная на освоение заброшенных земель. Около 5 миллионов гектаров были национализированы и переданы безземельным крестьянам и скотоводам. Кроме того, правительство передало в собственность жителям участки земли, захваченные ими незаконно, но уже используемые долгое время. В результате этой амнистии землевладельцами стали около миллиона человек.

В 2007 году Чавес заявил о том, что целью правительства является справедливое распределение доходов от использования внутренних богатств, и в стране началась национализация крупнейших секторов экономики. Законодательная база национализации была заложена в Конституции. Активы были выкуплены у владельцев по цене, признанной большей частью финансовых аналитиков ры-

ночной. В частности, правительство выкупило доли в предприятиях нефтедобывающей, металлургической, цементной промышленности, в сфере коммуникаций и финансов.

В итоге деятельности Чавеса количество венесуэльцев, живущих за чертой бедности, по данным Всемирного банка, сократилось с 62,1% в 2003 году до 31,9% в 2011 году. В 2003 году детская смертность составляла 17 случаев на тысячу новорожденных, а в 2011 году — 12,9. Количество безработных в 2003 году составило 16,8%, а в 2009 году — 7,6%. По данным ЮНЕСКО, в 2001 году в Венесуэле было 7% неграмотных людей, в 2007 году количество неграмотных сократилось до 4,8%.

Таким образом, при Чавесе был сделан огромный прорыв в решении задач борьбы с бедностью и неграмотностью. Но по доктрине теологии освобождения, мало получить грамотного человека. Это только полдела. Его надо вовлечь в политическую жизнь, так как активная политическая работа, направленная на построение справедливого общества, — одна из основных задач, составляющих смысл человеческого жизни. Полноценный человек обязан быть гражданином.

Одной из главных причин для беспокойства не только местных олигархов, но и «мировой общественности», стал новый принцип управления, активно внедряемый Чавесом. В 2001 году президент призвал повсеместно создавать боливарианские кружки. Эти кружки стали органами низовой власти, подобно кубинским комитетам защиты революции. Их главной задачей стало следить за проведением в жизнь директив, исходящих от правительства. Чавес: «Не ждите завтрашнего дня. Призовите своих соседей. Призовите своих друзей. Организуйте кружки и ищите пути приведения в порядок ваших улиц, способы содействия правительству, отстаивания своих прав».

И конечно же, именно Чавес сделал решающий шаг для внедрения доктрины теологии освобождения. Он отверг негативное отношение марксистов к религии. В декабре 2005 года, обращаясь к согражданам накануне Рождества, Чавес заявил: «Для меня Рождество — это Христос. Христос-бунтарь, Христос-революционер, Христос-социалист».

Реакция верховных иерархов католической церкви на политику Чавеса была легко предсказуема. Сразу после прихода к власти Чавеса церковь объединилась с оппозицией. Политику этого объединенного блока, которая привела в 2002 году к попытке свергнуть Чавеса с помощью военного переворота, мы рассмотрим отдельно.

Здесь же надо упомянуть любопытный факт. По сведениям испанской газеты «Паис», в подготовке переворота 2002 года непосредственно участвовали члены ордена «Опус деи». Что неудивительно. Чавес, описывая сложившуюся в стране ситуацию, утверждал, что в Венесуэле столкнулись две концепции христианства: концепция «Опус деи», представляющая собой «доктрину угнетения беззащитных и оправдывающая неравенство как божественный принцип», — и концепция теологии освобождения, в которой «признается священное право обездоленных на свободу и справедливость в более гуманном мире». И это противостояние вылилось в раскол и привело к созданию Чавесом «Реформистской католической Церкви Венесуэлы». В июне 2008 года были рукоположены первые епископы церкви, чьи последователи называют себя «боливарианцами».

Но чтобы лучше понять, что вдохновляло Чавеса, и на каких принципах он начал строить новое венесуэльское государство, нам надо будет разобраться в том, что значит для Латинской Америки и для Венесуэлы не только теология освобождения, но и Симон Боливар.

Об этом — в следующей статье.

Мария Рыжова

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Креативный класс претендует на наследственное обладание креативностью. Остается закрепить это на уровне титулов — интеллектуальный граф, интеллектуальный герцог... И мы получим настоящую демократию

Исвращения в системе образования

Проще всего было бы сказать, что есть советское хорошее образование и есть образование плохое — постсоветское и, конечно, в чем-то антисоветское. Но это было бы слишком грубым упрощением. Советское образование — это не константа, а процесс. На начальном своем этапе советское образование, естественно, враждовало с образованием досоветским. Таков закон любой революции, создающей новое общество. Но со временем советское образование все в большей степени стало вбирать то лучшее, что существовало в образовании досоветском. И это тоже закон постепенной адаптации любых постреволюционных обществ к историческому опыту своего народа, своего государства. Сталинское образование фактически унаследовало то лучшее, что было в образовании досоветском. И одновременно обогатило досоветское образование, сделав его и бесплатным, и общедоступным, и обязательным, что имело колоссальнейшее значение. И более динамичным, нежели образование досоветское. Что имело значение, скажем прямо, ничуть не меньше.

Ломка образования вновь началась при Хрущеве («нет плохих учеников, а есть плохие учителя»). Она в чем-то возвращала образование к раннереволуционной ситуации.

Затем все вновь качнулось в противоположную сторону.

А затем началось все то разрушительное и отбрасывающее страну назад, что именуется перестройкой и постперестройкой.

Даже элементарный обзор всех этих колебаний предполагает совсем иной, не газетный жанр исследования. Но и упрощенчество никак не является нашей целью. Поэтому необходимо брать отдельные ключевые вехи, поворотные моменты, ключевые события — и анализировать их смысл. Оставляя читателю возможность самостоятельно насыщать фактами и подробностями все то, что размещено в интервалах между поворотными ключевыми моментами, вехами и событиями.

Одним из таких ключевых поворотных событий является постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Постановление было издано 4 июля 1936 года. И оно, безусловно, маркирует собой крутой перелом в том, что касается системы образования в СССР.

Но для того, чтобы понять смысл этого постановления, надо хотя бы вкратце обсудить, что такое педология, которой посвящено это постановление.

Педология — это своего рода метанаука, создатели которой попытались в конце XIX — начале XX веков объединить разные науки, изучавшие ребенка (медицину, психологию, педагогику), в одну — науку о развитии ребенка.

Казалось бы — да здравствует педология! И долой проклятую ВКП(б), препятствующую своим постановлением развитию этого прекрасного — как сказали бы теперь, мультидисциплинарного — начинания.

Но вот как описывает педологию Сусанна Яковлевна Рубинштейн — доктор психологических наук, высокий авторитет в том, что касается психологии умственно отсталых детей.

«Педология — пишет она в своей книге «Педология умственно отсталого школьника» — лженаука о детях — основывалась на теории функциональной психологии, согласно которой психические функции: память, внимание, интеллект и свойства личности рассматривались как врожденные, обусловленные наследственностью способности человека. В соответствии с этой ложной теорией педологи считали, что умственные способности ребенка «фоковым образом» предопределены его наследственными задатками и являются величиной более или менее постоянной, мало зависящей от воспитания и обучения. Исходя из такого понимания умственных способностей ребенка, педологи считали, что эти способности можно и нужно количественно измерять с целью последующего распределения детей по разным школам, в зависимости от результатов этого измерения. Так педологи и действовали».

То есть педологи, стремившиеся навязать советскому образованию свой весьма далеко идущий подход, считали возможным разделить учащихся на несколько сортов и наполнить школы принципиально разного качества учащимися соответствующего сорта. Причем произвести сортировку учащихся они хотели в раннем возрасте — однажды и навсегда.

Спору нет, какие-то способности можно выявить на начальном этапе и считать основополагающими в плане дальнейшей программы обучения индивидуума, обладающего этими способностями. В чем-то это может помочь формированию спортсмена высшего класса. Да и то не всегда. Известны результаты подобной селекции, применяемой по отношению к особо одаренным детям. Ну, и что? Создавались спецшколы, интернаты. В них особо предрасположенные к математике дети особым образом обучались. И каков был результат? Дало ли это что-то качественно отличающееся от того, что давало обучение в обычных школах?

Опыт показывает, что прорыва не было. Были отдельные достижения и многочисленные проколы. По большому счету, это можно назвать «много шума из ничего». Я был знаком с человеком, который учился в особо элитной вечерней физико-математической школе. В нее отбирались победители математических олимпиад. Климат был настолько специфическим (все друг про друга знали, кто гений, а кто только талант), что мой знакомый из этой школы ушел, вернулся в обычную. Потом кончил обычный институт. Быстро защитил диссертацию. Возглавил серьезное научное подразделение. И к своему удивлению обнаружил в качестве посредственного программиста одного из «гениев» той самой элитарной физико-математической школы. Школа и затем математический ВУЗ раздавили этого «гения». Он впитал в себя высокомерную элитарность, но не сумел проявить никаких подлинно творческих способностей. И это притом, что руководители пытались предоставить ему для этого все возможности.

Итак, даже самая элементарная селекция по способностям, осуществляемая в раннем возрасте, дает на практике весьма относительный результат. Теперь это общеизвестно. И есть масса примеров того, как самые выдающиеся ученые не проходили элементарнейших селекционных тестов. И оказывались, так сказать, в низшей страте. А люди, оказавшиеся впоследствии совершенно бесплодными, триумфально проходили все селекционные тесты.

Но педологи, против которых было направлено постановление ЦК ВКП(б), хотели навязать советскому образованию не простейшие формы селекции по способностям. Эти формы советское образование опробовало в полной мере. И этому не помешало ни рассматриваемое постановление ЦК ВКП(б), ни развернутая после него борьба с педологией. Педологи пытались создать жесточайшую и весьма дифференцированную селекцию. Что привело бы к превращению советского общества в весьма своеобразный вариант общества элитно-фашистского. Основанного на ничем не обоснованной теории неких «интеллектуальных рас». Весьма напоминающих, не правда ли, нечто из фило-

софии гностиков. Педологический диктат... Массовое насаждение в советских школах эдаких тиранов-педологов... Бесчисленные анкетирования и тестирования учащихся, направленные на то, чтобы доказать... Впрочем, тут надо дать слово авторам постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года.

Педологи, говорится в этом постановлении, пытались доказать «якобы, с «научной» биосоциальной точки зрения современной педологии наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива».

Реабилитация педологии началась сразу же после распада СССР и построения на его обломках общества, основанного на отвержении всего советского.

Я уже процитировал вполне справедливое, как мне кажется, описание того, что такое педология, принадлежащее С. Я. Рубинштейн. Которая не могла огульно шельмовать педологию ни в силу своего человеческого содержания, ни в силу специфики своей специализации (умственно отсталые школьники). Но даже Сусанна Яковлевна бьет тревогу по поводу того, что педологи выступают в роли очень специфических интеллектуальных расистов. Наследственных детерминистов.

А теперь давайте сравним этот — очень щадящий — советский подход к педологии и тот подход, который возобладал в постсоветскую эпоху.

В «Большом психологическом словаре», изданном в 2004 году, написано: «Постановление (имеется в виду обсуждаемое нами постановление ЦК ВКП(б) — П.Р.) и последовавшая обвальная «критика» варварски, но мастерски извратили саму суть педологии, вменив ей в вину приверженность биогенетическому закону, теории 2 факторов, фатально предопределяющей судьбу ребенка застывшей социальной средой и наследственностью (это слово должно было звучать ругательно). На самом деле, считает В. П. Зинченко, педологов погубила их система ценностей: «Интеллект занимал в ней одно из ведущих мест. Они ценили прежде всего труд, совесть, ум, инициативу, благородство».

То есть педологи были за все хорошее? Они ценили труд, совесть, ум, благородство, инициативу, а их противники — что ценили? Безделье, бессовестность, тупость, безынициативность и подлость? Вот он, постсоветский подход во всей его красе!

Сквозь зубы авторы признают, что педологи исповедовали подход, основанный на наследственности... Интеллектуальной наследственности, понимаете! Наследственности, которой в принципе нет! Была бы она — не было бы ни Ломоносовых, ни Королевых. Одни только дети академиков.

Так вот, в словаре говорится сквозь зубы о том, что педологи исповедовали правильный наследственный подход. А их противники бесхозяйственно этот подход охаивали. Тем самым наличие обычной биологической наследственности уравнивается

с наличием наследственности интеллектуальной. Но главное все же в том, что педологи — это все хорошее. И труд, и совесть, и все остальное. А их противники — это все плохое. Сплошной ГУЛАГ. Вот она, квинтэссенция дельфиньего подхода к анализу наиболее сложных проблем.

Креативный класс претендует на наследственное обладание креативностью. Остается закрепить это на уровне титулов — интеллектуальный граф, интеллектуальный герцог... И мы получим настоящую демократию. И сопряженное с ней подлинно демократическое образование, дающее равные стартовые возможности всем детям России.

Злая, бездарная, грубая, безнравственная система советского образования. И ее великодушная — добрая, талантливая, тонкая и нравственная — постсоветская альтернатива... Остается недоумевать, почему советское образование имело высший международный рейтинг, а постсоветское имеет рейтинг позорный. А точнее — наипозорнейший. Наверное, в международных инстанциях, оценивающих образование (включая ООН), окопались одни только скрытые «советисты».

Для того чтобы противопоставить дельфиньему подходу нечто более серьезное, нежели элементарное восхваление советского образования, надо предложить систему критериев, более адекватную, нежели та, согласно которой одна система образования концентрирует все достоинства, а другая все недостатки.

Многие исследователи считают постановление от 4 июля 1936 года основополагающим в плане выбора одного из двух возможных типов образования. Выбиралось не хорошее взамен плохого, и не плохое взамен хорошего. Выбирался некий X, обладающий и преимуществами и недостатками. И отвергался некий Y, тоже обладающий и преимуществами и недостатками. Только обсуждая проблему на этом языке, мы можем что-то понять в своей истории, включая историю образования. И принять какие-то решения в отношении своего будущего, включая будущее в интересующем нас аспекте — аспекте образования, которое должны получать наши дети.

Итак, говоря об X, мы имеем в виду знание-ориентированный подход к проблеме образования.

А говоря об Y, мы имеем в виду личностно-ориентированный подход к проблеме образования.

Еще раз обращаю внимание читателя на то, что в отличие от либералов мы не пытаемся сказать, что один подход обладает только достоинствами, а другой только недостатками. Мы не создаем мифы. Мы разбираемся в существе дела.

Обсуждая знание-ориентированный подход (он же X в нашей терминологии) доктора педагогических наук В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов в своем учебном пособии «Педагогика» говорят, что, согласно этому подходу, содержание образования — это совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, определенный уровень развития познавательных сил и практической подготовки, которые достигнуты в результате учебно-воспитательной работы.

«При таком подходе, — пишут они, — в центре внимания находятся знания как духовное богатство человечества, накопленное в процессе поиска и накопления исторического опыта. Знания, конечно, важные социальные ценности, поэтому и знание-ориентированное содержание образования имеет безусловное значение. Оно способствует социализации индивида, вхождению человека в социум. С этой точки зрения такое содержание образования является жизнеобеспечивающей системой».

О том, как преимущества этого подхода соотносятся с его недостатками, каков альтернативный подход, и в чем состоит каверзная подоплека нынешней ситуации с реформой нашего образования — в следующем номере.

Павел Расинский

Урок в начальной школе. Москва. Фото Маргарет Берк-Уайт, 1931 г.

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Чтобы понять причины китайского особого внимания к Африке, достаточно указать, что во второй половине 2000-х годов не менее трети всей потребляемой в КНР нефти импортировалось с африканского континента

Африканская экспансия Китая

Председатель КНР Ху Цзиньтао и Президент Нигерии Олусегун Обасанджо на Пекинском саммите китайско-африканского сотрудничества, 2007 г.

В прошлом выпуске мы рассмотрели уникальное место малийского вооруженного конфликта в общей картине ближневосточных и североафриканских мироустроительных войн. И остановились перед необходимостью встроить малийский конфликт в общую панораму борьбы крупнейших геополитических конкурентов за весь африканский континент. Африка уже давно превращена Китаем в обширнейший плацдарм для своей экспансии. И не учитывая этого обстоятельства, невозможно до конца уяснить себе логику, а также направление, в котором распространяется огонь конфликтов, подожженных переворотами в Египте и Тунисе в начале 2011 года.

Тот курс, который Китай последовательно проводит в Африке уже более двадцати лет, представляет собой ярко выраженную мироустроительную деятельность китайского государства в масштабах всего Черного континента. Именно здесь Китай, традиционно избегающий прямых столкновений со своими западными геополитическими конкурентами, вступает с ними в открытое и опасное экономическое и политическое соперничество. И настойчиво превращает Африку в один из основных сырьевых плацдармов для собственного рывка в развитии. Можно говорить о том, что в Африке — на просторах всего континента — мироустроительное столкновение между Китаем и западными странами (прежде всего, США) идет уже много лет.

Ряд экспертов отсчитывает начало экспансии Китая в Африку с начала 2000-х. Однако было бы неверным игнорировать то, что целенаправленный интерес Китая к Африке возник уже в начале 90-х. Точно так же, как в начале 90-х, формируется и в дальнейшем уже не ослабевает пристальное внимание Китая к странам Средней Азии (в то время недавним советским республикам). И потому можно считать, что ключевым толчком для «большого мироустроительного похода Китая» был именно распад СССР — задолго до «арабской весны», бомбардировок Сербии и многого другого.

При этом Африка сразу же становится одним из важнейших направлений этого похода.

Казалось бы, деталь: начиная с 1991 года, совершается ежегодный африканский вояж министра иностранных дел КНР. Но эта деталь демонстрирует устойчивость китайских намерений.

Если говорить, например, о Судане, то в эту страну китайский нефтяной бизнес пришел в 1997 году, а уже через десять лет, к 2007 году, 70% суданской нефти шло в Китай.

Однако именно после прихода Ху Цзиньтао в начале 2003 года на пост председателя КНР — отношения с Африкой превратились в один из приоритетов китайской внешней политики. Действительно, за время своего правления Ху Цзиньтао совершил по Африке четыре тура. Что превышает число африканских визитов президентов США Джорджа Буша и Барака Обамы, вместе взятых.

Чтобы понять причины китайского особого внимания к Африке, достаточно указать, что во второй половине 2000-х годов не менее трети всей потребляемой в КНР нефти импортировалось с африканского континента. В частности, с этого периода Китай начал активное проникновение в Судан (тогда еще единый), где очень быстро оказалась ключевой экономической опорой суданской власти. Прежде всего, за счет суданской нефтяной отрасли, где китайские компании сумели заменить американские.

Судан является типичным примером интенсивного развития отношений с Китаем. Причем КНР отнюдь не ограничивается нефтедобычей.

Именно на китайские инвестиции в стране быстро начало разворачиваться мощное промышленное и инфраструктурное строительство, а также гуманитарные программы (включая строительство больниц и школ). Китай предоставил Хартуму не только льготные кредиты, но и крупные безвозмездные гранты. К 2006 году торговый оборот между Китаем и Суданом достигал уже 3 млрд долларов.

При этом Китай поставлял Судану далеко не только гуманитарную продукцию. Согласно ряду источников, в середине 2000 годов правительство Судана получало от Пекина значительные объемы вооружений. Кроме того, в СМИ не раз попадала информация о том, что на суданских нефтепромыслах трудились тогда не менее 4 тысяч китайских работников с явным «специализированной» профессиональной привязкой.

Весной 2006 года Китай сообщил о начале освоения нового крупного месторождения в Дарфуре, способного давать до 500 тыс. барр. в день (до 25 млн тонн в год) нефти. Именно после этого, летом 2006 года, тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс причислила суданский режим к «оси зла».

В середине августа 2006 года американское частное охрannое агентство «DunCorp International» (то самое, которое обучало полицейских в Ираке) объявило, что с начала 2007 года займется подготовкой повстанцев в Южном Судане и Дарфуре. Тогда же было заявлено о том, что Госдеп США выделил агентству на эти цели 40 млн долларов.

А уже 9 января 2007 года вице-президент Южного Судана Салва Маярдит заявил, что не позднее, чем через 4 года, произойдет отделение от страны южных провинций... Сегодня, в начале 2013 года, мы знаем, что это отделение произошло. И не когда-нибудь, а с 9 по 15 января 2011 года! То есть на пике событий «арабской весны» и в точнейшем соответствии с прогнозом Маярдита (вплоть до месяца и числа!).

Между тем, Китай не склонен «класть яйца в одну корзину». В Африке он проводит последовательную политику расширенного сотрудничества с как можно большим числом стран. На политику американской поддержки повстанцев Южного Судана и Дарфура китайское государство отреагировало именно в этом ключе.

В августе 2006 года в Пекин был приглашен глава МИД Республики Чад Ахмад Аллаи. Через него Чаду была предложена Китаем гораздо большая доля в нефтяных доходах, чем давали крупнейшие американские энергетические корпорации «Шеврон» и «Эксон Мобил». И тогда же, в 2006 году, начинается импорт нефти из Чада в Китай. Затем в апреле 2007 года МИД Чада заявил об успешности переговоров по поводу расширения нефтяного импорта в КНР, причем было отмечено: «Китай предлагает гораздо более равноправное партнерство, чем мы обычно имеем». Намек на западную сверхдержаву более чем прозрачный.

Но и это лишь часть обширной картины целенаправленного усиления китайского влияния в Африке.

В феврале 2007 года делегация во главе с тогдашним председателем КНР Ху Цзиньтао совершает турне сразу по 12 странам Африки. И с каждой из этих стран заключаются стратегические экономические соглашения.

В результате этого массированного «десанта» китайских политиков высшего уровня, произошли, в частности, принципиальные изменения в отношениях КНР с ЮАР. Президент этой страны Табо Мбеки, незадолго до того публично говоривший об угрозе китайской колониальной экспансии, после китайского турне заявил, что Пекин «лучший друг Африки и ее самый надежный партнер».

17 мая 2007 года в Шанхае прошел форум Африканского банка развития с участием 43 стран континента — с новыми обещаниями инвестициями, льготных кредитов и списаниями долгов.

Через два дня, 19 мая 2007 года, Совет глав МИД «Большой восьмерки» называет самой своей горячей проблемой экспансию Китая в Африке.

И действительно, размах китайской экспансии здесь такой, какой не снился ни одному другому региону. Кроме того, что не менее важно, обосновываясь так прочно на Черном континенте, Китай — впервые в истории! — создает прецедент преодоления своей собственной региональной ограниченности. Прецедент — для западных стран особенно угрожающий. В самом деле, думают на Западе, за какой чертой влияние Китая в Африке превратится в неоколониальное, если уже не превратилось? А ведь это было бы подлинным историческим переломом!

Далее, наиболее сердечные отношения Китай выстраивает с ЮАР. Тут найден особый стиль коммуникаций. Страны дружат, что называется, «правящими партиями». В январе 2012 года ЦК КПК в послании горячо поздравил правящую партию ЮАР Африканский национальный конгресс (АНК) со столетним юбилеем. Было подчеркнуто, что КПК и АНК, руководя делом народной революции, завязали глубокую дружбу, которой КПК по праву гордится.

И, наконец, с аналогичной серьезностью Китай относится и к «освоению» Мали. В этой стране, как и во многих других странах Африки, КНР делает ставку на масштабное сотрудничество при помощи строительства объектов инфраструктуры.

Так, в октябре 2012 года в Мали готовилось строительство скоростной автотрассы длиной 240 км, необходимой для связи юга и севера страны. Однако затем этот проект затормозили военные действия с участием западных сил.

Кроме того, среди малийских проектов Китая особо выделялось строительство моста через реку Нигер в столице страны Бамако. Помимо проекта строительства моста, в Бамако были уже построены больница, а также десять «центров матери и ребенка».

Наконец, в списке китайских проектов, реализуемых в Мали в обмен на допуск к разработке месторождений золота и урана, — льготные кредиты и поставки китайских товаров сельскохозяйственного назначения.

В 2012 году в многолетнем наступательном развитии отношений Китая с африканскими странами обозначился новый — объединительный — этап.

28 января 2012 года в столице Эфиопии Аддис-Абебе открылся 18-й саммит Африканского союза (АС). Церемония открытия саммита, в адрес которого председатель КНР Ху Цзиньтао направил поздравление, прошла в конференц-центре Африканского союза, построенном при помощи Китая. В связи с этим было, разумеется, весьма уместно, что на открытии саммита присутствовал высокий гость — глава Всеафриканского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) Цзя Цинлинь.

Председатель ВК НПКСК выступил на церемонии открытия со знаменательной речью под названием «Укрепление китайско-

африканской солидарности и сотрудничества во имя совместного строительства блестящего будущего». Он заявил, в частности, что конференц-центр АС является ценным подарком китайского правительства и народов государствам и народам Африки.

В речи Цзя Цинлинь можно усмотреть элементы стратегического мироустроительного манифеста. Цзя Цинлинь заявил также, что КНР решительно выступает за то, чтобы Африканский союз (со штабом в здании китайской постройки) играл более активную роль во внешних и внутренних делах Африки.

В речи отмечаемое событие (открытие общеафриканского саммита) было впрямую увязано с роковым для западных (и не только западных) стран фактом стремительного развития Китая. Цзя Цинлинь подчеркнул: практика свидетельствует и будет свидетельствовать, что развитие Китая является шансом для всего мира, Китай всегда будет твердой силой, охраняющей мир и стабильность во всем мире. Таким образом, Африканский союз начинает очевидным образом превращаться в площадку, с которой Китай адресует миру, а не только Африке, заявления с явным мироустроительным акцентом.

Свою решимость укреплять стратегическое сотрудничество с АС Китая подкрепили обещанием оказать этому объединению безвозмездную помощь в размере 600 миллионов юаней в течение 3 ближайших лет. Таков один из привычных китайских инструментов наращивания влияния — вручение под те или иные обязательства значительной суммы именно в юанях (что в последующем должно привязать жизнедеятельность финансируемого партнера именно к китайскому внешнеполитическому курсу).

В течение 2012 года Китай последовательно проводил свою программу организационного оформления быстро строящихся связей с Черным континентом. В мае в Пекине началась ежемесячная программа «Фокус на культуру Африки-2012», включавшая десятки мероприятий в разных городах Китая. С этого же времени ведущая китайская государственная газета China Daily начала выпускать еженедельное издание для стран Африки. Африканский штаб этого издания расположился в Йоханнесбурге, крупнейшем городе ЮАР (а заодно крупном центре торговли золотом и алмазами).

Чем ответят США на это победное китайское шествие? В середине 2012 года бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон ограничилась турне по 9 африканским странам и резким заявлением: «Дни, когда чужаки приходили в Африку и извлекали выгоду, ничего не оставляя за собой, должны закончиться».

Какое реальное содержание будет вложено в угрожающие слова «должны закончиться»? Пока что не самым триумфальным образом закончились дни пребывания Хиллари Клинтон на посту госсекретаря США. Мы видим, что в ответе зарева «арабской весны» Китай в течение 2011–2012 годов продолжал строительство масштабной системы опорных зон своего присутствия в Африке. Причем, в данной статье приведены отнюдь не все такие зоны. А значит, самые серьезные мироустроительные битвы, битвы за континенты между глобальными конкурентами, еще впереди. И ливийский, малийский и другие конфликты в Африке, очевидно, окажутся лишь отдельными вспышками в гигантской цепи сигнальных костров большой — воистину глобальной — мироустроительной войны.

И давно пора бы России — все еще одной шестой суши, ядерной сверхдержаве — повнимательнее присмотреться к огням костров, разложенных на далеком от нее континенте. Ибо цепь этих огней содержит адресованное ей послание. Некий аналог огненных букв, тающих в себе последнее предупреждение. О значении этих букв и текста, сложенного из них — в следующих статьях.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

Для исторического стохастизма и для постмодернизма базисным постулатом, своего рода аксиомой философии «антиистории», является социальный индивидуализм, противопоставляемый любому коллективизму

От антиисторицизма к постмодернизму

Как мы установили, уже к началу XX века по вопросу смысла истории фактически сложились две противостоящих коалиции: «прогрессисты» (исторические позитивисты, уверенные в прогрессе как законе истории, и исторические активисты, считающие деятельность человека одним из важных факторов прогресса) — и «антипрогрессисты» (сторонники «примордиальной традиции» и исторические стохастисты, отрицающие существование исторических закономерностей).

И в первую, и во вторую коалицию входило немало крупных мыслителей.

Так, например, в русле «прогрессизма» лежали идеи П. Сорокина. Который в книге «Кризис нашей эпохи» пишет, что у человечества есть историческая миссия — безграничное созидание, накопление и совершенствование истины, красоты и добра. Это приближает человека к высшему творцу, делает его сыном божьим. То есть идеи П. Сорокина — вполне в духе религиозного хилиазма Нового времени (о котором, впрочем, мы будем говорить позже). К позиции П. Сорокина в части религиозного высшего смысла человеческой истории достаточно близок К. Лёвит (книга «Смысл истории»).

«Прогрессист» Ю. Хабермас в книге «О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив» заявляет, что все прежние концепции философии истории имеют общие недостатки: избыточные амбиции в части выявления закономерностей и ненадежные обоснования. И что эти концепции должны сменить новая «теория общественной эволюции», которая раскрывает, обобщает и использует в качестве своего базиса такие понятия, как «прогресс, кризис и самосвобождение человечества путем критики».

А Тойнби — далеко не 100%-ный прогрессист — в «Постижении истории» строит свою теорию цивилизаций как взаимонезависимых исторических субъектов-монад, характеризующихся стадийной цикличностью развития (возникновение-рост-надлом-распад). Однако и Тойнби в конечном итоге признает, что существует общечеловеческая история. Которая, несмотря на глубокие различия отдельных цивилизационных «историй», в конечном итоге фактически объединяется в «прогрессивный» (хотя и не линейный, а сложно изломанный, с поворотами и остановками) процесс.

В русле «прогрессизма» работало и немало крупных философов неомарксистского направления: А. Грамши («Философские тетради»), Д. Лукач («История и классовое сознание»), М. Хоркхаймер и Т. Адорно («Диалектика Просвещения»), Г. Маркузе («Онтология Гегеля и основания теории историчности») и др.

Но и в лагере «антипрогрессистов» были очень крупные фигуры.

В русле «примордиальной традиции» активно работали Ю. Эвола, М. Элиаде и другие. Впрочем, это направление мы обсудим позже.

Некоторые социальные философы, отрицавшие «прогрессизм», использовали для него негативное клише «историцизм». Так, например, Э. Гуссерль («Философия как строгая наука») пишет, что историцизм представляет для философии серьезную опасность, поскольку превращает феномены сознания в некие «духовно-исторические образования», происхождение и общественный статус которых мутен и необъясним. А Э. Трёльч в изданной в 1922 г. книге «Историцизм и его проблемы» критикует историцизм с противоположных позиций — за накопление исторических фактов без их понимания в контексте соответствующей эпохи.

Но наиболее философски влиятельными «антипрогрессистами» XX века, работавшими в русле исторического стохастизма, были, видимо, К. Поппер и Ф. фон Хайек.

В 1945 году вышла книга Поппера «Открытое общество и его враги». В ней Поппер прославляет индивидуализм и демократию, а также настойчиво критикует любой коллективизм. Почему Поппер зачисляет коллективизм в список главных врагов? Потому что коллективизм якобы в конечном итоге неизбежно порождает «тоталитаризм».

К вопросу об индивидуализме и коллективизме мы вернемся позже. Сейчас же сконцентрируемся на том, что касается отношения Поппера к истории.

В «Открытом обществе» Поппер использует для всех вариантов исторического прогрессизма упомянутое выше клише «историцизм». Но кардинально «переопределяет» это понятие, которое до него использовали другие философы. Здесь Поппер называет историцизмом любые представления об исторических закономерностях. И «обличает и развенчивает» всех, кого причисляет к историцистам, включая Платона, Гегеля и Маркса.

А в 1957 г. Поппер публикует еще одну книгу под названием «Нищета историцизма». Где определяет историцизм как любые социально-философские теории, основанные на вере в «историческую необходимость», ориентированные на выявление в истории «тенденций и законов» развития и, значит, притязующие на какое-либо предвидение и «создание» будущего. Здесь Поппер объединяет под общей шапкой «историцизма» Платона, Гегеля, Маркса, Тойнби и т.д. именно на том основании, что им всем присущ «замах» на социальное проектирование и конструирование, то есть на осознанное приближение общества к определенному идеалу.

Ключевое возражение Поппера в адрес такого подхода состоит в том, что ход исторических событий якобы полностью определяется случайным, непредсказуемым процессом накопления человеческого знания. И потому, мол, невозможны какие-либо теоретические представления об истории, основанные на обобщении ее закономерностей. И тем более, невозможны успешные попытки рационального и эффективного «социально-исторического» проектирования и конструирования.

Поппер пишет: «С нашей точки зрения, действительно не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельных событий и его причинного объяснения. Задача истории как раз и заключается в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. Те, кого интересуют законы, должны обратиться к обобщающим наукам (например, к социологии)».

Далее Поппер оговаривает, что какие-то проектные действия все-таки возможны — это действия в духе так называемых малых дел. Например, улучшение отдельного социального, политического, экономического института вроде законодательства о выборах или системы финансового регулирования. А если в следующий момент окажется, что такое улучшение одного института негативно влияет на другие институты, то следует — опять-таки рационально осмыслив выявленные негативы — приступить к следующему локальному улучшению.

Но, как постоянно подчеркивает Поппер, «замахиваться» на системные и целенаправленные изменения социальной, экономической, политической реальности не только бессмысленно, но и вредно. Поскольку такие попытки никогда не дадут

позитивного результата, но одновременно потребуют — ради реализации заведомо недостижимых целей, как подчеркивает Поппер — массового ущемления свобод «открытого» (индивидуализированного, рыночного, демократического, плюралистического) общества. То есть, смещения общества к какому-либо «тоталитаризму».

Исходя из этого, Поппер утверждает, что в отношении истории возможен только локальный активизм, основанный на критической интерпретации текущей политической, экономической, социальной ситуации. Он пишет: «Я утверждаю, что история не имеет смысла. Из этого, конечно, не следует, что мы способны только с ужасом взирать на историю политической власти или что мы должны воспринимать ее как жестокую шутку. Ведь мы можем интерпретировать историю, исходя из тех проблем политической власти, которые мы пытаемся решить в наше время». И далее заключает: высшим судьей своей жизни и своей истории является сам человек. Только он своей деятельностью, направленной на реализацию своих идеалов, делает (лично для себя!) историю оправданной или неоправданной.

Ф. фон Хайек в изданной в 1952 г. книге «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом» уже вовсю использует в предельно негативном смысле термин «историцизм» в духе Поппера. При этом Хайек особенно резко атакует телеологизм исторического активизма (то есть, подход, согласно которому для социального развития и развития общества в целом возможно ставить какие-либо цели и их успешно добиваться).

Но еще ранее, в изданной в 1944 г. книге «Дорога к рабству», Хайек противопоставляет два типа порядка: «спонтанный» и «сознательный». И подчеркивает, что любые попытки воплощения сознательного (то есть целенаправленно создаваемого) порядка, которые предпринимаются в целях прогресса и расширения человеческих свобод, в конечном итоге оборачиваются изъятием этих человеческих свобод и порабощением.

Подчеркнем, что Хайек (впрочем, как и Поппер) не отрицает принципиальной возможности прогресса как такового. Но понимает его Хайек как результат стихийных и разнонаправленных проб и ошибок, которые реализуются в сумме индивидуального опыта людей, подобно биологическому «естественному отбору». Именно отбор лучшего опыта и его укоренение в массовой практике — и приводят к постепенному «прогрессу» в понимании Хайека. В связи с этим Хайек заявляет: «Чем сложнее порядок, к которому мы стремимся, тем больше для его достижения следует полагаться на стихийные силы».

Хайеку и Попперу вторит Р. Арон, который во «Введении в философию истории» пишет: «В конечном счете, уникальное и необратимое становление (в истории — ЮБ), по своему определению, не несет в себе закона, поскольку оно не воспроизводится — по крайней мере, возвращаясь к его началу, нельзя представить... те правила, которым подчиняется всеобщее движение».

И, наконец, исторический прогрессизм и его телеологию, то есть возможность про-

гресса в ходе реализации общих социальных целей, столь же категорично отрицает и ученик Поппера Дж. Сорос. Который в своей книге «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм» решительно заявляет: «В открытом обществе нет цели».

Постмодернизм, обсуждая тему времени и истории, действует в обычной своей манере. То есть, не ссылается на предшественников, и лишь иногда вводит в свои тексты неясные цитаты из Ницше, Поппера, Хайека и т.д. Хотя в некоторых трудах постмодернистов преемственность позиции от исторического стохастизма признается вполне открыто. Так, например, Дж. Ваттимо в работе «Конец современности» не только использует понятие «постистория», но и указывает, что понимает «преодоление истории как... преодоление историцизма».

При этом постмодернизм явно наследует «стохастистам», отказываясь от идеи истории как логического, закономерного, «человекообразного» и хотя бы в какой-то мере «человекоуправляемого» процесса.

Так, например, Ж. Ф. Лиотар утверждает: «Сегодня мы можем наблюдать... упадок доверия, которое западный человек... питал к принципу всеобщего прогресса человечества. Не существует позитивной ориентации, которая могла бы открыть перед нами какую-то новую перспективу».

Ж. Бодрийяр пишет: «История — наш утраченный референт... история была могучим мифом, который поддерживал... возможность объективной связности причин и событий...»

Ж. Деррида заявляет: «Чему не следует доверять, так это метафизическому концепту истории, который привязан не только к линейности, но и ко всей системе имплицитности (телеология, эсхатология, выявляющая и интерпретирующая аккумуляция смысла, известный тип традиционности, известный концепт преемственности, истины и т.п.)».

Для такого вывода постмодернисты не только предпринимают те процедуры метафизического и онтологического «убийства» ключевых понятий философской классики — целостности, бытие с его центрированностью, человек, субъект, смысл и так далее, — которые мы обсуждали ранее. Они, кроме того создают особую концепцию «времени событий».

Делёз и Гваттари, подчеркивая процессуальность времени, пишут: «Мы не стоим на берегу, наблюдая за течением реки, однонаправленным и разделенным на струи, а сами несемся в клубящемся потоке, сами вовлечены в процесс вариации». И далее указывают, что ризоморфный тип мироустройства задает множество линий движения индивидуальных событий, происходящих в разных (принципиально несочетаемых и несопоставимых!) временных измерениях. Такой вот замах не только на историю, но и на такую фундаментальную категорию, как время!

Впрочем, к постмодернистской концепции времени мы, возможно, еще вернемся. Здесь же отметим самое важное для нашей темы. А именно — то, что в постмодернистском мире-ризоме, якобы, нет самоотждествленного единства какого-либо человеческого «Я»: оно, скользко по ризоме, непрерывно (и непредсказуемо) меняется. И, тем более, в этом мире нет единого будущего. Так, Р. Барт с удовольствием цитирует Х. Л. Борхеса (роман «Сад расходящихся тропок»): «Вечно разветвляясь, время идет к неисчислимым вариантам будущего».

В итоге, в интерпретации постмодернизма «Стрелы времени» нет и не может быть. А история оказывается лишена не только смысла, но и направленности.

Подчеркну, что и для исторического стохастизма, и для постмодернизма базисным постулатом, своего рода аксиомой философии «антиистории», является социальный индивидуализм, противопоставляемый любому коллективизму.

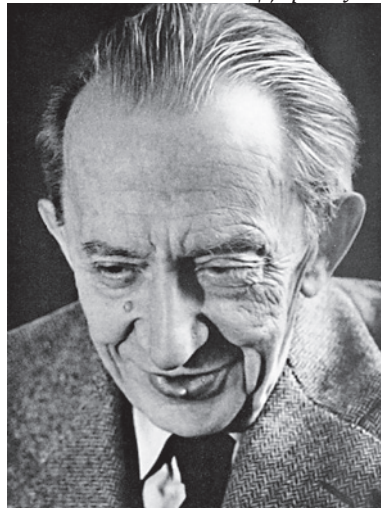
О том, откуда это берется и что из этого вытекает, — в следующей статье.

Юрий Бялый

Антонио Грамши

Дьердь Лукач

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Хуже всего дела обстоят там, где русское коренное население сталкивается с неконтролируемым наплывом мигрантов и проникновением радикального ислама

Юг России. Виртуальный подогрев реальных конфликтов

Развязывая диффузно-сепаратистские войны, враг делает ставку на обострение тех противоречий, которые наиболее легко перевести в желанное для врага остро конфликтное качество. В России на первом месте в совокупности подобных противоречий всегда будут находиться противоречия между этносами, входящими в наше очень сложно построенное полиэтничное общероссийское целое.

В таком многонациональном государстве, как СССР, у власти имелись в распоряжении идеологический, аппаратный и финансовый ресурсы для выстраивания элитного баланса, а также эффективных (с точки зрения сохранения территориальной целостности) форматов межэтнических коммуникаций.

В современной России, отвергнувшей идеологию как основу построения полиэтничного светского государства и погрязшей в политико-экономических войнах между элитными группами, часть которых заражена сепаратизмом, построение таких коммуникаций становится почти неразрешимой задачей. Хуже всего дела обстоят там, где русское коренное население сталкивается с неконтролируемым наплывом мигрантов и проникновением радикального ислама.

Наиболее отчетливо это можно видеть в последние годы в Ставропольском крае, где к провоцированию межнациональных и межконфессиональных конфликтов подключились российские и зарубежные националистические организации, блогеры и белоленточники. В результате и так достаточно напряженная обстановка в Ставрополе, связанная с близким соседством северокавказских республик, двумя чеченскими войнами, потоками беженцев и непрекращающейся борьбой с исламским терроризмом, обостряется до предела.

Отработка «механизма нагнетания напряженности» в регионе началась еще в феврале 2007 года, когда в городе Новоалександровске был убит казачий атаман А. Ханин. Он выступал за закрытие вредного производства, во главе которого стоял предприниматель из Грузии.

Буквально на следующий день после этого убийства в дело вступили блогеры, создавшие в «Живом журнале» виртуальную картину дальнейшего развития ситуации. Якобы казаки в отместку устроили в городе этническую «чистку» местного грузинского населения.

Эту виртуальную «картину», названную то «Русским бунтом», то «Новой Кондопогой», дополнили в интернете члены «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). В ней появились и внутренние войска, окружившие город, и вертолеты для «усмирения восставших казаков»... Таким образом, блогеры сознательно и провокационно сработали на разогрев тех небольших волнений, которые произошли, — но, разумеется, не в таких масштабах.

Некоторые эксперты обращают внимание на то, что в Ставропольском крае периодически случаются стычки между местным населением (основная масса русские) и северокавказской молодежью, приезжающей на учебу и заработки. Но целенаправленное нагнетание ситуации через создание «виртуальной картины» страшного конфликта стало активно использоваться только со второй половины 2000-х годов.

Например, весной того же 2007-го в Ставрополе в массовой драке был убит студент из Чечни. Сразу же блогеры (с IP-адресов, зарегистрированных в Москве, Воронеже, Ростове-на-Дону и Краснодаре) вбросили в ЖЖ дезинформацию о том, что в город якобы приехали для «джихада» чеченские боевики.

На такой дезинформационный вброс не могло не быть реакции. В Ставрополь из Москвы тут же приехали представители ультраправых националистических органи-

заций: «Северного братства», «Русского общенародного союза» (РОНС) и ДПНИ. Бойню удалось предотвратить лишь потому, что оперативно сработали правоохранительные органы, уже имевшие за плечами тревожный опыт массовых беспорядков в карельском городе Кондопоге осенью 2006 года. Многие «посланцы» были перехвачены на пути в Ставрополь.

Этот же механизм «виртуального обострения» конфликтной ситуации с добавлением новых элементов эскалации напряженности был применен и во время относительно недавних событий в городе Невинномысске Ставропольского края.

В ночь с 5 на 6 декабря 2012 года в драке с мигрантом погиб местный житель Н. Науменко. 15 и 22 декабря (опять не без помощи блогеров-националистов) у мэрии Невинномысска было собрано два «народных схода» с требованиями «отыскать и наказать убийц». Были и сотни сообщений в соцсетях о якобы очередном «бунте», и реальные выступления представителей националистических организаций, таких как «Народное ополчение Мина и Пожарского» (НОМП). Но как показали дальнейшие события, это было только начало.

«Народный сход» у здания городской администрации в Невинномысске 15 декабря 2012 г.

Активисты незарегистрированной партии «Новая сила», НОМП и местные неоязычники развернули широкую кампанию по организации очередного митинга в Невинномысске под лозунгом «Ставрополье — не Кавказ!». Организаторы намеревались провести всероссийскую акцию и потребовать «вывода Ставропольского края из состава Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) и введения особого миграционного режима».

В подготовке данного мероприятия приняли участие и украинские националисты. Всеукраинское объединение «Соборная Украина» и украинская национал-радикальная партия «Братство» сообщили в украинских СМИ о предстоящем «десанте на Кубань», намеченном на 26 января 2013 года.

Напомним, что «Братство» возглавляет бывший вождь УНА-УНСО Д. Корчинский, воевавший на стороне чеченских сепаратистов в 1995 году.

Сразу скажем, что несанкционированный митинг в Невинномысске так и не состоялся, потому что все прибывшие (в том числе, члены «Братства») были сразу задержаны. Но в поддержку требований участников данной акции прошли пикеты в Мурманске, Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Каменск-Уральском, Красноярске.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этот же день случилось еще одно знаковое событие, насчет которого украинские националисты были также «в курсе».

26 января в Ростове-на-Дону проходил казачий митинг под лозунгом «Казаки — народ!». Митингующие обращались к Президенту РФ с требованием «внести в перечень народов и этнических наименований РФ национальность казак».

Так вот, украинские националисты проявили полную солидарность не только с организаторами акции в Невинномысске, но и с казаками, направив им соответствующие послания.

Так, 28 января на сайте еще одной националистической организации «Тризуб имени Степана Бандеры» появилось следующее приветствие: «Сегодня, когда напряжение на Кубани и Ставрополье растет, украинским националистам нужно приложить максимум усилий, чтобы донести до населения этих регионов националистическое, антиимперское видение проблемы. Это борьба против имперской власти под лозунгами независимости казачьих территорий к северу от Кавказских гор с перспективой их дальнейшей интеграции в состав украинского государства».

Отметим, что организация «Тризуб имени Степана Бандеры» была создана в 1993 году и является военизированным крылом «Конгресса украинских националистов» (КУН). В свою очередь, КУН был основан эмигрантами-членами «Организации украинских националистов» (ОУН).

В мае 2007 года «Тризуб» учредил Международный антиимперский фронт, в который вошло «Международное движение за деколонизацию Кавказа», возглавляемое одним из лидеров северокавказских сепаратистов Ахмадом Сардали.

Некоторые эксперты обращают внимание на то, что украинские националисты, связанные с чеченскими сепаратистами, «в последние годы активизировали связи со своими российскими единомышленниками, в том числе на Северном Кавказе, который они считают своей территорией».

Срыв правоохранителями митинга, на который стягивались в январе 2013 года гости, собиравшиеся устроить бучу в Невинномысске, не остудил партию «Новая сила», возглавляемую профессором МГИМО В. Соловьёв. Она продолжила свои акции. Пресс-служба «Новой силы», открестившись от связей с украинскими националистами, активизировала борьбу за «освобождение Ставрополья».

7 февраля 2013 года региональное отделение этой партии объявило о начале сбора подписей «за возвращение Ставропольского края в Южный федеральный округ (ЮФО) и введение миграционного спецрежима для жителей республик СКФО».

Эксперты обращают внимание на то, что параллельно с данной акцией, которая уже получила поддержку националистов в некоторых российских городах, в Ставропольском крае продолжает обрабатываться механизм целенаправленного нагнетания межэтнической напряженности в социальных сетях после каждого резонансного конфликта между местными и приезжими.

Например, после ночной драки с 7-го на 8-е февраля в Ставрополе, когда молодой казак М. Спасибов оказался в больнице с ножевым ранением, блогеры, связанные с националистическими организациями и белоленточниками, попытались через интернет-агитацию в ЖЖ и «ВКонтакте» собрать два «народных схода» для обсуждения темы «засилья кавказцев на Ставрополье».

Необходимо подчеркнуть, что с инициативой вывода региона из СКФО ранее выступали и другие националистические организации. В том числе, «Союз славянских общественных организаций Ставрополья».

А 4 ноября 2010 года во время «Русского марша» питерское региональное отделение партии «Национал-демократический альянс» вело сбор подписей под требованием «переименовать регион в Ставропольскую русскую республику».

И вот тут-то и начинается главное. Потому что вопрос о том, в какой именно округ войдет Ставрополье, согласитесь, носит частный характер. И вполне допустимо, коль скоро жители к этому стремятся,

переведение Ставрополья из одного округа в другой. Это не разрушит российского государства. Другое дело, что такой прецедент породит цепную реакцию. Что чревато более далеко идущими последствиями. Но даже не это главное. Главное — эта самая русская ставропольская республика. Нельзя создать русскую ставропольскую республику, не создав русскую краснодарскую республику и так далее. Уже сегодня некоторые эксперты, продвигающие превращение Ставрополья в республику, предлагают «на месте нынешних восьми федеральных округов создать восемь русских республик».

В каких отношениях между собой будут находиться эти республики? Сегодня это будут федеративные отношения, а завтра конфедеративные? Сегодня этих республик будет 8, а завтра 18?

Следует признать, что попытка перекроить границы федеральных округов под видом всероссийской акции с лозунгом «Ставрополье — не Кавказ!» с привлечением украинских националистов, связанных с чеченскими сепаратистами, предпринимается впервые. И отдает это все откровенной провокацией.

Глава краевого комитета по массовым коммуникациям И. Воронин утверждает, что все это спланированная кампания: «Ситуация искусственно расшатывается... Мы в нашем крае имеем репутацию одного из самых опасных для страны сценариев — разрушения. И Ставропольский край был выбран не случайно — это болевая точка (страны) в межнациональном плане... (Провокаторы) считают: если качнем ситуацию в самом опасном, межнациональном сегменте, то большая часть населения страны будет поддерживать».

По словам И. Воронина, «аналогичные интернет-технологии ранее были опробованы Мовлади Удуговым в Чечне, а также организаторами цветных революций на Украине и в Грузии».

Искусственное нагнетание межэтнических и межнациональных противоречий в Ставрополье накладывается на реальные и весьма опасные процессы, способные в любой момент подорвать стабильность в крае.

Вот некоторые из них.

1. Многие эксперты отмечают, что в традиционно «славянском регионе», где с 1990-х годов большую роль в охране правопорядка и общественно-политической жизни играют казаки, в последнее время меняется «этническая карта края». На юго-востоке все больше появляется приезжих из Чечни, в восточных регионах — выходцев из Дагестана, в Кисловодске — из Карачаево-Черкесии. Большое количество молодежи появляется в городах. При этом у местной власти отсутствуют внятные программы по социокультурной адаптации приезжих.

2. Земельные и территориальные споры.

Если в 90-е ставропольские казаки призывали «вернуть в состав края Наурский, Щелковский районы Чечни и Кизлярский район Дагестана», то сейчас довольно часто местные жители конфликтуют из-за незаконного захвата животноводческими фермами пастбищных земель.

14 марта в Пятигорске прошла конференция Общественного совета СКФО, на которой полпред президента А. Хлопонин предложил создать экспертную группу по решению земельных вопросов, ибо в этой сфере совершается до 80% коррупционных преступлений.

3. Угроза исламского терроризма.

Некоторые эксперты утверждают, что Ставрополье «стало кузницей кадров русских исламистов» и одним из каналов, по которому радикальные версии ислама проникают на Север и Северо-восток России.

Учитывая важность этих процессов, мы уделим им внимание в последующих материалах.

Эдуард Крюков

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

А что остается в качестве досуга для подростка из бедной семьи, если спортивные секции и кружки или закрыты, или стали платными? Остаются улица, подворотня и развлечения, опасные для жизни

ДНК-ПОДКЛЮЧЕНИЕ

15 марта 2013 года в Музее космонавтики имени Циолковского в Калуге состоялась презентация проекта «Дома новой культуры» (ДНК). Инициатором создания ДНК-центров в регионах стал вице-премьер Владислав Сурков, курирующий государственную политику в области культуры.

Сурков заявил, что через три года ДНК-центры будут построены в Калуге, Первоуральске и во Владивостоке (на острове Русский): «В принципе это дом меньшинства. Во всех городах России должны быть такие места, куда могут прийти те, кого не все понимают... Люди здесь должны получать знания, они должны учиться работать с новыми материалами, с новыми технологиями, в новом изобразительном искусстве. Поэтому это дом новой культуры. В Калуге должно быть известно то же, что в Нью-Йорке, в то же самое время. Без опозданий десятилетий, как принято в России».

Именно в этих центрах будут говорить обо всем передовом в современном искусстве, а символика названия ДНК нацелена на то, что предполагается менять «генетический» код нашей культуры, что изменит сознание людей.

Таким образом, речь опять идет об изменении сознания россиян. Подобное уже было. В 90-х перестройка начиналась с призывов философа А. Ракитова трансформировать социокультурное ядро советского человека.

О каком же «меньшинстве» идет речь? Еще в начале 2011 года либерально настроенный директор «Левада-центра» Лев Гудков писал: «Все увеличивающийся разрыв между центром и периферией обрекает большую часть страны на постепенное оупение и одичание... Впрочем, говорит о России как о некоем целом сегодня уже неправильно: социальная жизнь, как и в советское время, резко разделилась на события, значимые для образованного меньшинства (8–12% населения), ... и на то, что наполняет сознание большинства, что мелькает в виртуальном пространстве, создаваемом кремлевской пропагандой и информационной или развлекательной попой».

Вот так уже неоднократно повторенная тема противопоставления центра и периферии, «креативного класса» и «золотозубой электрички», «дельфинов» и «анчоусов», «мух» и «пчел» и т.д. получает дополнительное развитие. Если уж такие разные люди живут у нас в столице и регионах, если уж так они по-разному все воспринимают, значит у них и развитие разное, и разные культуры. И приходится признать, что новый «креативный класс» требует для себя «новой культуры».

А что же делать с остальным населением, которое продолжает существовать в нашей стране, и что делать с его представлениями о культуре?

Сегодня уже трудно спорить с тем фактом, что все происходящее с культурой в России иначе как уничтожением не назовешь. Можно лишь зафиксировать, что созданы все условия для деградации населения, особенно в провинции. И в первую очередь для молодежи. За последнее время в провинции уничтожалась вся социальная и культурная инфраструктура: закрывались школы (прежде всего сельские), библиотеки, Дома культуры, медпункты. Достаточно быстро исчезали те формы досуга, которые были приняты в советское время: активный отдых (спортивные секции, туристические походы), занятия в кружках (от танцевальных до авиамоделирования), посещение театров, музеев, разнообразных концертов (от классической музыки до бардовских песен).

Зато, безусловно, увеличилось количество просмотров телепрограмм. Исследования показали, что 28,4% современной молодежи в провинции активному времяпрепровождению предпочитает просмотр телевизора. И это притом, что качество программ, несмотря на обилие каналов, «ниже плинтуса» и «ниже пояса».

9 декабря 2012 года на встрече с доверенными лицами Путина глава АП Сергей Иванов высказывал опасения по поводу дебилизации молодежи: «...Многие наши СМИ способствуют дебилизации населения. Дебилизация, к сожалению, продолжается. Одичание и падение нравов — это серьезная проблема». (9 февраля 2013 года он повторил этот тезис на съезде РВС).

Реклама в средствах массовой информации и, в первую очередь, телереклама призывают отгнуться, отдохнуть, «жить на яркой стороне»... И вот молодежь начинает увлеченно копировать несвойственные нам западные праздники — День Св.Валентина или Хэллоуин, увлекаться фильмами о зомби («день зомби» прошел по всему миру и, конечно же, у нас) и примитивными «дикими танцами».

Популярность «диких танцев», таких как «Гарлем шейк», где каждый кривляется как можно глупее, ныне докатилась и до нашей глубинки.

4 марта в интернете появилось видео: «дикие танцы» на фоне памятного мемориала погибшим воинам в городе Краснотурьевск. Человек в странной шапке начинает делать резкие, бессмысленные движения, к нему присоединяются другие с такими же идиотическими движениями. Трое молодых людей танцуют прямо на крыше БМП, являющегося частью мемориала. Один размахивает над головой верхней одеждой, второй — без брюк. Видно, что они топчут памятные венки. Компания выложила это видео в интернет как поздравление своему другу, солдату-срочнику.

Ролик вызвал бурное возмущение не только местных жителей: ветераны боевых действий в Афганистане и Чечне готовы были приехать в Краснотурьинск и «разобраться» с местной молодежью, устроившей эти танцы.

После скандала танцоры оправдывались, что не хотели оскорбить ничьи чувства и «ничего плохого не совершили». Однако свои извинения они принесли только под давлением властей города и губернатора области.

Один из блогеров так прокомментировал эти танцы: «Никаких ценностей не осталось — только денег и зрелищ подавай, дебилы-потребители».

К сожалению, в нашей стране памятники павшим в Великой Отечественной войне все чаще стали подвергаться осквернению, особенно в последнее время.

В Астрахани полиция задержала пятерых молодых людей, потушивших в ночь на 23 февраля Вечный огонь на братской могиле солдат Советской армии.

В январе 2013 года в г.Артеме (Приморский край) четыре девочки погасили снежками Вечный огонь.

7 февраля 2013 г. в Усть-Каменогорске вандалы потушили Вечный огонь.

21 сентября 2013 г. в Северодвинске двое молодых людей бросили в пламя Вечного огня венки, возложенные к памятному знаку «Ратному подвигу северодвинцев».

В 2008 г. в селе Давыдовское 11-классники разрушили памятник советским солдатам, погасили Вечный огонь. Когда их спросили: «Зачем?» Парни ответили: «Громилы от нечего делать...»

Можно повторить вслед за социологом Андреем Фурсовым, что «вандализм и откровенное презрение к историческому прошлому своей страны — результат двадцати лет социального разложения общества и отсутствия патриотического воспитания».

В марте 2013 года в интернете появился видеоролик, на котором ржевские подростки занимаются паркурком (вид экстрима — рискованные прыжки с одного препятствия на другое) у Вечного огня. А потом, сняв брюки, греются над пламенем мемориала.

Альпинизм, прыжки с парашютом, катание на лыжах и сноубордах — для многих в стране дорогое удовольствие. И потому молодежь занимается тем, чем может. Особой популярностью пользуется зацепинг. Интернет заполнен снимками молодых людей, которые на подножках локомотивов или вагонов перемещаются по железной дороге.

"Зацепинг"

А что еще остается в качестве досуга для подростка из бедной семьи, если спортивные секции и кружки или закрыты, или стали платными? Остаются улица, подворотня и развлечения, опасные для жизни. Более половины подростков проводит свой досуг с друзьями на улице. Это в большинстве случаев превращает свободное время в криминальное время. В России 62% юношей подтвердило, что участвовали в групповых драках, более 80% подростков регулярно употребляют алкогольные напитки, а 70% от всех потребителей наркотиков — подростки и лица молодого возраста.

Сегодня Россия лидирует по количеству детских и подростковых самоубийств: 20 подростков из 100 тысяч заканчивают свою жизнь суицидом, этот показатель в 3 раза выше мирового. Большинство подростковых самоубийств приходится на бедные регионы, маленькие города, сельскую местность. По данным исследователей, подростки убивают себя из-за отсутствия смысла и перспектив на будущую жизнь. Большинство самоубийц (15–19 лет) нигде не учились и не работали.

Государство намерено бороться с подобными тенденциями. Но как? Приходится обратиться к советскому опыту. И вот уже Федеральное агентство по делам молодежи хочет частично возродить советскую методику воспитания подрастающего по-

коления, для чего создает новую структуру «Роспатриотизм». Школьники будут заниматься по советским программам физподготовки «Готов к труду и обороне» (ГТО), будут играть в «Зарницу», и участвовать в движении тимуровцев.

За последние четыре года это уже третья попытка создания «организации по патриотизму». Но будет ли она успешной при отсутствии основных жизненных перспектив? При фактическом противопоставлении узкой группы населения, которая будет посещать «креативные» ДНК-центры, основной «одичалой» массе?

Мне возражат, что продвинутые группы существуют. И что они заслуживают внимания. Согласна. И странно бы было мне опровергать это, коль скоро сама я десятилетиями играю в театре, изначально ориентированном на такие продвинутые группы. Но вот только что вкладывается в слово «продвинутые группы»? Будут ли эти группы подключены к Нью-Йорку, как это следует из слов Суркова, или же они будут подключены к собственной сокровенности, сокровенности великой России?

С конца 80-х годов нашу молодежь подключают к Нью-Йорку, образно говоря, по принципу подключения нашего водопровода к их канализации. Доказательства? В России так и не возникло аналога стиля яппи (не потребляющие наркотики и алкоголь молодые спортивные интеллектуалы, слушающие только классическую музыку). Но зато сразу же стал яростно развиваться панк-стиль, стиль интеллектуальных окраин, сознательно культивирующий дух, который сами создатели называют «духом отребья». Я, кстати, не считаю, что стиль яппи так уж перспективен для России. Он скучен, пресен, но тем не менее. Так что к чему будут подключать? Это первый вопрос, на который пока нет никакого ответа.

Второй вопрос — денежный. Подключать к этому самому ДНК будут кого? А ну как окажется, что людей с «дельфиним» достатком?

Третий вопрос — эта продвинутость и патриотизм. Как они будут сочетаться? Ведь может быть и патриотический, и антипатриотический авангард. И так далее. На кого будет работать молодой интеллектуал-дельфин? На Россию или Нью-Йорк, к которому его подключили на деньги злосчастных анчоусов, которых он будет уничтожать по заданию Нью-Йорка.

Четвертый вопрос — есть их продвинутость, и есть наша продвинутость. В России есть своя продвинутость. Но при чем тут ДНК? Своя продвинутость требует иных коннотаций, не правда ли?

Подвожу итог — давайте создавать свои творческие центры. В которых не будет богатых и бедных. Которые будут ориентированы на творческий прорыв и патриотизм. Которые будут задействовать свою идентичность. И давайте посмотрим — чьи центры окажутся продвинутее. Господин Сурков — автор инициативы под названием «Сколково». Туда уже вбуханы миллиарды долларов. Следов никаких. Мне скажут, что лучше никаких следов, чем прямые следы подключения Сколково к Нью-Йорку. Согласна, но хотелось бы, чтобы возникло что-нибудь нужное народу, стране. Вот мой пятый вопрос: продвинутое — для народа или для себя? Хорошо еще, если для себя. А если против народа?

Марина Волчкова